

СОБРАНИЕ
ТВОРЕНИЙ

ПРЕПОДОБНЫЙ
ЕФРЕМ
СИРИН

— — — — —
Моли́тва

преподобный Ефрем Сирин
Собрание творений. Молитва

«Сибирская Благовонница»

2016

УДК 281.9
ББК 86.37-2

Сирин п.

Собрание творений. Молитва / п. Сирин — «Сибирская
Благовонница», 2016

ISBN 978-5-906853-28-8

«Столп Церкви, великий отец и вселенский учитель, пророк сирийский, солнце сирийское, духовный философ и глубокий ученый, витийственные уста и цитра Святого Духа» – так возвышенно отзывается о святом преподобном Ефреме Сирине его современник, святитель Григорий Нисский. В чтении его творений с древности и до наших дней православные люди, стремящиеся к духовному преуспеянию, находили и находят обильный источник назидания. Издательство «Сибирская Благовонница» начинает издание творений преподобного Ефрема. В данную книгу вошли слова о молитве, молитвы, сочиненные преподобным, а также беседы, приписываемые преподобному Ефрему, и знаменитые «Надгробные песнопения».

УДК 281.9
ББК 86.37-2

ISBN 978-5-906853-28-8

© Сирин п., 2016
© Сибирская Благовонница, 2016

Содержание

От редакции	7
Предисловие к первому изданию творений преподобного Ефрема Сирина на русском языке	8
Жизнь святого преподобного Ефрема Сирина	9
Творения святого преподобного Ефрема Сирина	29
Толковательные творения	31
Духовно-нравственные творения	34
Полемико-догматические творения	37
Молитвы и песнопения	38
О стихотворениях преподобного Ефрема Сирина	39
Слова	40
Слово о том, как душа, когда искушает ее враг, должна со слезами молиться Богу	41
О любви	45
О псалме	48
О молитве	50
О молитве	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

**Преподобный Ефрем Сирин
Творения. Молитва**

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС Р15-405-3068
ИС Р15-532-3507

Печатается по: Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина: В 8 т. Серг. П., 1895–1914.

От редакции

Издательство «Сибирская Благовонница» подготовило издание собрания сочинений одного из величайших учителей Церкви, знаменитого сирийского подвижника, христианского богослова и поэта преподобного Ефрема Сирина. Преподобный Ефрем – необыкновенно плодовитый писатель, число его творений достигало тысячи, и это даже если исключить из них составленные им молитвы, отчасти получившие богослужебное употребление. Еще при жизни преподобного Ефрема его слова и беседы были переведены на греческий язык и читались в церквях наравне со Священным Писанием.

Говоря о творениях своего сирийского современника, святитель Григорий Нисский в своем «Похвальном слове преподобному отцу нашему Ефрему Сирину» сравнивает его с мысленным Евфратом Церкви, который орошает множество христианских душ, возвращая в них семя веры, а также с виноградной лозой, которая, как сладкими гроздами, изобилует плодами учения и услаждает всех членов Церкви полнотой Божественной любви.

До сих пор звучит голос этого сирийского подвижника в его творениях, призывая нас к покаянию, к борьбе со своими страстями, в возделыванию добродетелей и одновременно ободряя нас великой Божией любовью и милосердием к людям.

Мы разделили все творения преподобного Ефрема по темам. Темой этой книги является молитва. Ею объединены вошедшие в нее слова и беседы. Здесь же мы публикуем также составленные преподобным молитвы к Господу и Пресвятой Богородице, в которых излилась его боглюбивая душа, а также «Надгробные песнопения», в которых автор призывает к молитвам за умерших в непоколебимом уповании на милость Искупителя всех Господа нашего Иисуса Христа.

Предисловие к первому изданию творений преподобного Ефрема Сирина на русском языке

Этот очерк¹ принадлежит А. К. Соколову, бакалавру Московской духовной академии, скончавшемуся в 1881 году в сане протоиерея московской Свято-Троицкой церкви, иже на Грязех. Он был помещен в первом издании творений святого преподобного Ефрема Сирина, вышедшем в 1818 году.

Сведения о жизни преподобного Ефрема заимствованы автором, во-первых, из сочинений, в которых сам святой Ефрем повествует о некоторых происшествиях своей жизни: «Обличение самому себе и исповедь»; во-вторых, из «Похвального слова преподобному Ефрему», автором которого является святитель Григорий Нисский, а также из рассказов некоторых других греческих писателей; в-третьих, из сирийских жизнеописаний святого Ефрема – кратко и двух пространных, которые имеют некоторые отличия друг от друга.

Очерк приводится с малозначительными изменениями. Для удобства восприятия он разбит нами на два раздела: Жизнь святого преподобного Ефрема Сирина и Творения святого преподобного Ефрема Сирина.

¹ Приводится с немногими сокращениями, поправками и дополнениями, сделанными профессором М. Д. Муретовым на основании сличения сирийского жизнеописания святого Ефрема, приведенного в сирийских творениях преподобного Ефрема, изданных в Риме (Acta S. Ephraemi Syriaca, по Ватиканскому кодексу XI века. Р. XIII–LXIII), с существенно сходным с ним, но имеющим и некоторые важные отличия сирийским жизнеописанием святого Ефрема в Парижском (в Национальной библиотеке) кодексе XIII века (изданном в Sancti Ephraemi Syri Hymni et Sermones, quos c eodd Londinensibus, Parisiensibus et Oxoniensibus edidit Thomas Iosephus Lamy Moechliniae. Т. I–III), том II, под заглавием: Historia S. Ephraemi doctoris Syri. С. 3-90, а также на основании многих (после Римского издания), частично вновь напечатанных, частично же ставших известными позже творений святого Ефрема.

Жизнь святого преподобного Ефрема Сирина

Преподобный Ефрем Сирин родился, вероятно, в первых годах IV столетия, в Низибии, главном городе северо-восточной части Месопотамии, или в окрестностях его. Предки его, как сам он свидетельствует, были нищими, которые питались милостыней; деды уже стали земледельцами и жили в достатке; родители также были земледельцами и находились в родстве с незнатными городскими жителями. Но незнатность рода вознаграждалась христианскими добродетелями и попечительностью родителей о воспитании своего сына в страхе Божиим. Сам преподобный Ефрем так говорит о годах своей юности: «Я был уже причастником благодати – от отцов получил наставление о Христе. Родившие меня по плоти внушили мне страх Господень. Видел я соседей, живущих в благочестии, слышал о многих, пострадавших за Христа; отцы при мне исповедали Его перед судьей, я родственник мученикам»².

Еще в первые годы жизни Ефрема Бог показал будущее величие дитя в знаменательном видении или сне, вследствие которого, может быть, он и назван был Ефремом, то есть «плодоносным». Было открыто, что на языке дитяти выросло виноградное дерево, которое так, наконец, разрослось, что ветвями своими покрыло всю землю, и было так плодоносно, что чем более птицы питались плодами его, тем более умножались плоды.

Но лета юности не прошли для Ефрема без некоторых преткновений. От природы пламенный, он был раздражителен, а в юной плоти по временам возбуждались нечистые желания. В таких чертах представлял впоследствии сам Ефрем первые годы своей юности, хотя, без сомнения, в его изображении нельзя не заметить того глубокого смирения, которое составляло отличительную черту его характера в иночестве. «Еще в молодых летах, – говорит он в своем «Обличении», – произнес я обет; однако же в краткие эти годы был я злоязычен, бил, ссорил других, препирался с соседями, завидовал, к странному был бесчеловечен, с друзьями жесток, с бедными груб, из-за маловажных дел входил в ссоры, поступал безрассудно, предавался худым замыслам и блудным мыслям, даже и не во время плотского возбуждения». А пытливость молодого, еще незрелого ума, усиливающегося постигнуть то, что выше его сил, или легкомыслие молодости вовлекли его в некоторые сомнения относительно Промысла Божия». «В юности, – говорит он в «Обличении самому себе», – когда жил я еще в миру, напал на меня враг; и в это время юность моя едва не уверила меня, что совершающееся с нами в жизни случайно. Как корабль без руля, хотя кормчий и стоит на корме, идет назад или вовсе не трогается с места, а иногда и опрокидывается, если не придет к нему на помощь или ангел, или человек, – так было и со мной».

² «Обличение себе самому и исповедь».

Но Промысл Божий не оставил без вразумления колеблющегося юношу, и следующие события, рассказанные самим Ефремом далее в том же слове с глубоким сокрушением, послужили ему вразумительным уроком о Промысле и переходом к новому образу жизни. Однажды, по приказанию родителей отправившись за город, Ефрем запоздал и остановился ночевать в лесу вместе с пастухом овец. Ночью напали на стадо волки и растерзали овец. Когда пастух объявил об этом хозяевам стада, те не поверили и обвинили Ефрема в том, что он привел воров, которые расхитили овец. Ефрем был представлен судье. «Я оправдывался, – говорит он, – рассказывая, как было дело. Вслед за мной был приведен некто, пойманный в прелюбодеянии с одной женщиной, которая убежала и скрылась. Судья, отложив исследование дела, обоих нас вместе отослал в тюрьму. В заключении нашли мы одного земледельца, приведенного туда за убийство. Но и приведенный со мной не был прелюбодеем, и земледелец – убийцей, равно как и я – похитителем овец. Между тем взяты под сохранение по делу земледельца – мертвое тело, по моему делу – пастух, а по делу прелюбодея – муж виновной женщины, поэтому их и стерегли в другом доме.

Проведя там семь дней, на восьмой вижу во сне, что кто-то говорит мне: “Будь благочестив – и уразумеешь Промысл; перебери в мыслях, о чем ты думал и что делал, и по себе познаешь, что эти люди страждут не несправедливо; но не избегнут наказания и виновные”. Итак, пробудившись, стал я размышлять о видении и, отыскивая свой проступок, вспомнил, что однажды, будучи в этом же селении, на поле, среди ночи, со злым намерением выгнал я из загона корову одного бедного странника. Она обессилела от холода и оттого, что была непраздна; ее настиг там зверь и растерзал. Как только я рассказал заключенным со мной этот сон и свою вину, они, возбужденные моим примером, начали рассказывать о своих: поселянин – что видел человека, тонувшего в реке, и мог ему помочь, однако же не помог, а городской житель – о том, что присоединился к обвинителям одной женщины, оклеветанной в прелюбодеянии. “Она, – говорил он, – была вдова; братья ее, возведя на нее вину эту, лишили ее отцовского наследства, дав из него часть мне, по условию”. При этих рассказах начал я приходить в сокрушение, потому что в этом было некоторое явное воздаяние. И если бы все это произошло только со мной, можно было бы сказать, что все это случилось со мной по человеческим причинам. Но нас троих постигла одна и та же участь. И значит, есть некто четвертый, отмститель, который не в родстве с терпящими напрасную обиду и незнаком нам, потому что ни я, ни они никогда не видели его, – так как я описал им наружность того, кто явился мне во сне. Заснул я в другой раз и вижу, что тот же говорит мне: “Завтра увидите и тех, из-за кого терпите вы обиду, и освобождение от возведенной на вас клеветы”».

На другой день действительно представлены были градоначальнику вместе с Ефремом и другими товарищами его по заключению еще пять человек, обвиняемых в разных преступлениях. Из них двое были братьями оклеветанной вдовы и взяты в темницу за другие, действительно ими совершенные преступления, а трое остальных были невиновны в том, за что были посажены в темницу, но, как сами они открылись Ефрему, были виновны в лже-свидетельстве. Исследование всех этих дел не могло быть скоро закончено. Между тем был назначен другой судья. Новый судья был знаком с родителями Ефрема и с ним самим, но Ефрем не сразу узнал его. Накануне того дня, когда всем заключенным надлежало предстать перед ним на суде, Ефрем снова увидел во сне говорящего: «На следующий день будешь ты освобожден, а прочие подпадут справедливому суду; будь же верующим и возвещай Промысл Божий». Действительно, на другой день судья рассмотрел дела обвиняемых, признал невинными посаженных в темницу по ошибке или злонамеренности и предал на съедение зверям уличенных или сознавшихся в злодеяниях.

«Судья, – говорит Ефрем, – велит также и меня вывести на середину. Хотя и сблизала его со мной единоплеменность, однако же стал он осведомляться о деле по порядку и пытался выспросить у меня, как было дело об овцах. Я сказал правду, как все происходило.

Узнав меня по голосу и по имени, он приказал высечь пастуха для дознания истины, а потом освободил меня от обвинения, по прошествии без малого семидесяти дней. Знакомство же мое с судьей происходило оттого, что родители мои жили за городом с воспитавшими этого человека, да и я, по временам, имел у него жительство...

После этого, в ту же ночь, вижу прежнего мужа, и он говорит мне: «Возвратись в место свое и покайся в неправде, убедившись, что есть Око, над всем назирающее». И, сделав мне сильные угрозы, он удалился; с тех пор и донныне не видал я его».

Ефрем был верен наставлению явившегося. Еще в темнице дав обет посвятить всю свою жизнь покаянию, он вскоре оставил мир и удалился в окрестные горы к отшельникам. Между тем и в поздние годы он не переставал каяться в грехе юности и просить у других молитв перед Господом о прощении.

Жизнь отшельническая рано стала известна между христианами низибийскими. В окрестных горах, ныне называемых Синджар, пещеры служили жилищем подвижникам; растения и плоды, свободно произрастаемые землей, доставляли им пищу; молитва и богомыслие, не прерываемые шумом и суетой мирской, составляли их постоянное упражнение. Ученик преподобного Антония Великого Аон, или Антоний, принес первый пример жизни отшельнической из пустынь Египетских на крайний восток Римской империи и вскоре нашел здесь множество подражателей своему образу жизни. К числу их принадлежал и святой Иаков, епископ Низибийский, столь же известный своими отшельническими подвигами и чудесами, сколь и ревностью в распространении и защите правой христианской веры³. Для утверждения христианства в Персии он отправляется в эту страну, смежную с Низибией, а для ограждения православных от нечестивого учения ариан пишет на него опровержения, на которые ссылался святой Афанасий Александрийский в своем послании к епископам Египетским и Ливийским. Преподобный Ефрем вскоре стал учеником святого Иакова и строгим исполнителем правил жизни пустынной, которые святитель свято соблюдал и среди многолюдного города.

Несчастный случай заключения в темницу произвел большую перемену в Ефреме. Вместо пламенного, но гневливого, любознательного, но колеблемого сомнениями юноши Ефрем становится смиренным и сокрушенным пустынником, день и ночь оплакивающим свои грехи и с благоговением поучающимся в законе Господнем. Пример святого Иакова довершил духовное образование его достойного ученика: уже в это время мы видим в Ефреме совершенную покорность путям Промысла и истинно подвижническую твердость в перенесении искушений.

В клире Церкви Низибийской был один человек, также по имени Ефрем. В некоторых источниках он называется экономом церковным. Опасаясь обличения своей преступной связи с дочерью одного из важных граждан низибийских, он научил соучастницу в грехе, чтобы она, когда сделаются явными следы ее преступления, возложила вину на соименного ему Ефрема, ученика епископа, который за свое благочестие уже приобрел себе любовь и уважение других. Наученная девица так и поступила. Когда ей нельзя было более скрывать свой позор, она указала своим родителям, как на виновника, на преподобного Ефрема. Скоро молва об этом распространилась по городу, и родители девицы вместе со многими другими обратились к епископу с обвинением на ученика его. Святой старец, убежденный в непри творном благочестии ученика, не хотел верить обвинению, не получив признания от самого Ефрема. Ефрем, уже опытом наученный не прекословить судьбам Промысла, наводящего искушения, пал к ногам епископа и сокрушенным голосом сказал: «Действительно, отец мой, я согрешил!» Вскоре после этого отец девицы принес к епископу младенца и при пол-

³ Жизнь святого Иакова, епископа Низибийского, описана Феодоритом, епископом Кирским, в его «Истории мужей боголюбивых». Память святителя Иакова Святая Церковь празднует 13 (26) января.

ном собрании клира отдал его Ефрему, сказав: «Вот твой сын, воспитывай его!» Тот, как бы действительно виновный, с горькими слезами взял младенца и перед лицом всех сказал: «Поистине, отцы мои, я согрешил!»

Но Господь, испытав покорность и твердость Ефрема в перенесении искушения, дал ему и средства выйти из испытания со славой, достойной его смирения. Он внушил беспрекословному страдальцу, что его добродетель не должна остаться помраченной в глазах людей, поношением порока, и Сам содействовал обличению виновного. Однажды, когда народ собрался в храм для богослужения, пришел и Ефрем с младенцем и, испросив у епископа позволения взойти на амвон, поднял вверх младенца и сказал ему: «Заклинаю тебя именем Господа нашего Иисуса Христа, открой истину, скажи: кто твой отец?» Младенец отвечал: «Ефрем, эконом церковный». Три раза сказав это, младенец умер. Тогда со слезами просили прощения у преподобного Ефрема все обвинявшие его, и с этого времени слава о его святости еще более распространилась.

Святой Иаков, более всех знавший о высоких достоинствах своего ученика, в 325 году взял его с собой в Nikeю на Первый Вселенский Собор, богомудрое изложение веры которого суждено было защищать Ефрему против лжеучителей⁴. Еще около двенадцати или тринадцати лет он пользовался наставлениями своего епископа. Упражняясь под его руководством в подвигах иноческих, строгим постом и молитвами очищая дух свой, он в то же время прилежно изучал слово Божие, приготовляемый и сам Духом Божиим к высокому служению Церкви в качестве учителя. Как глубоко сознавал он связь между жизнью христианской и знанием слова Божия, передает одно из его поучений: «Природа, – говорит он в «Слове подвижническом», – это земля, нами возделываемая, произволение – земледельец, а Божественные Писания – советники и учителя, научающие нашего земледельца, какие худые навыки ему искоренять и какие благие добродетели насаждать. Сколь бы ни был наш земледельец трезвен и ревностен, однако же без учения Божественных Писаний он и не силен и не сведущ, потому что законоположение Божественных Писаний дает ему разумение и силу, а вместе с тем от собственных ветвей своих и благие добродетели, чтобы привить их к дереву природы: веру – к неверию, надежду – к безнадежности, любовь – к ненависти, знание – к неведению, прилежание – к нерадению, славу и похвалу – к бесславию, бессмертие – к смертности, Божество – к человечеству».

Преподобный Ефрем оставил своего наставника только тогда, когда тот оставил мир. Последнее благодеяние пастыря низибийского своему городу, оказанное во время нашествия царя персидского Сапора II, памятью народной так же приписывается и Ефрему, ученику святого Иакова. В 337 году персидский царь, услышав о кончине императора Константина и рассчитывая на слабость преемников его, вздумал овладеть пограничным укрепленным городом Низибией. Около двух месяцев продолжалась осада; жители начали терять надежду сохранить город. Святой Иаков воодушевлял всех своими молитвами и своими распоряжениями. А ученик его Ефрем, взяв благословение у епископа, взошел на городскую стену и молитвой своей навел на войско персидское множество насекомых. В персидском стане все пришло в беспорядок. И животные, и люди не знали, чем защищаться от мучительного действия многочисленных врагов. Сапор принужден был немедленно снять осаду и без успеха возвратиться в свою землю.

После кончины святого Иакова, последовавшей в 338 году, Ефрем посетил родину матери своей, город Амиду, находившийся также в Месопотамии, и после кратковременного

⁴ Именно на факте присутствия святого Ефрема на Первом Вселенском Соборе, подтвержденном в источниках, зиждутся расчеты года его рождения, о котором известно лишь, что оно произошло в царствование императора Константина (306–337). Исходя из того, что преподобный Ефрем должен был быть уже достаточно зрелым для того, чтобы присутствовать на Соборе, год его рождения обычно указывают как 306, то есть в год проведения Собора ему было около девятнадцати лет.

пребывания здесь предпринял путешествие в Эдессу. «Влекло его туда, – говорит святитель Григорий Нисский, – желание поклониться тамошней святыне, но прежде всего – желание найти ученого мужа, от которого он мог бы получить или ему сообщить плод ведения»⁵.

Город Эдесса, славный в летописях христианства усердием своего владетеля Авгаря принять к себе Господа Иисуса Христа, гонимого иудеями, имел что представить благочестивому и любознательному поклоннику. Там хранилось ответное послание Христа Спасителя к Авгарю⁶. Оттуда сделался известным Нерукотворенный Образ Христов. Там был погребен сам благовестник, просветивший Авгаря верой, – апостол Фаддей. Христианская вера имела здесь больше своих последователей, нежели во многих других городах Римской империи⁷, и во время последнего гонения на христиан при Диоклетиане они искали себе убежища в Эдессе, так как в прочих областях империи их преследовали. Славу благочестия этого города составляло и то, что в окрестностях Эдессы процветала жизнь иноческая.

Эдесса славилась между городами Месопотамии и своим просвещением. Не знаем, какого именно ученого мужа желал видеть здесь преподобный Ефрем и нашел ли он его, но он мог встретить здесь людей, знакомых и со Священным Писанием, и с разными науками. Незадолго до того как он пришел в Эдессу, отсюда выбыл некто Евсевий, славившийся своей образованностью и впоследствии возведенный на кафедру Эдесскую. Евсевий происходил из благородного эдесского семейства; в молодых годах, по обычаю отечественному, как пишет Созомен, он изучал Священное Писание, а после того и науки, преподаваемые у эллинов, посещая тамошних учителей. Преподобный Ефрем не имел желаний знакомиться с эллинской – языческой – мудростью, но изучение слова Божия было постоянной целью его духовных занятий.

Приближаясь к городу, Ефрем просил Бога, чтобы Он послал ему навстречу человека, с которым бы он для пользы души своей мог побеседовать на темы Священного Писания. Но в городских воротах он встретил женщину, наружный вид которой достаточно обличал ее недобрую жизнь и зазорное поведение. Смущенный такой встречей Ефрем подумал, что Господь не внял его молению. Между тем женщина, шедшая ему навстречу, остановилась и пристально смотрела на него. Это заставило его обратиться к ней с такими укоризненными словами: «Зачем ты, забыв стыд, смотришь не в землю, как следовало бы стыдливой женщине?» Женщина отвечала, что она должна смотреть на него, потому что жена от мужа взята, а вот ему надлежало бы смотреть не на нее, а в землю, потому что он, как муж, от земли взят. Ефрем удивился ответу женщины и прославил Бога, Который устами грешной жены сделал ему наставление и вразумил, что не должно пренебрегать и грешниками. «Если женщины этого города столь мудры, – подумал он, – то каковы же должны быть мужчины, населяющие его!»

Ефрем остановился в городе. Бедный странник вскоре должен был испытать неудобства своего положения среди разнородной толпы, но он умел извлекать для себя пользу из всего и все обращать во благо других. Принужденный трудами рук своих снискивать себе пропитание, он не почел для себя унижением наняться в работники к содержателю бани. По соседству с домом, в котором он поселился, жила одна женщина бесчестного поведения, которая один раз вступила с Ефремом в непристойный разговор, желая склонить его ко греху. Суровые слова, сказанные им на первое покушение женщины, только усилили ее бесстыд-

⁵ «Похвальное слово святому Ефрему».

⁶ Оно приводится в «Церковной истории» Евсевия, епископа Кесарийского (Кн. I. Гл. 13). О письме Авгаря Христу упоминает преподобный Ефрем Сириянин в своем «Завещании» и называет Эдессу городом, прославленным устами Его через апостолов.

⁷ Об этом свидетельствует святитель Иоанн Златоуст в похвальном слове мученице Домнике и ее дочерям. Владетели эдесские еще во II веке начали изображать на своей монете знамение креста. Церковный историк Созомен не усомнился написать, что город этот изначально всенародно исповедовал веру христианскую.

ную наглость. Но Ефрем, предложив совершить грех посреди города, у всех на виду, тем самым искусно заставил ее сказать, что она стыдится людей, и воспользовался ее ответом, чтобы обратить ее на путь добродетели, и сильными словами сумел возбудить в ее сердце стыд и страх Божий. «Если мы, – сказал он, – стыдимся людей, то не более ли должны стыдиться и бояться Бога, Которому известны самые сокровенные мысли людей и Который некогда придет судить всех и воздать каждому по делам?» Тронутая этими словами, женщина молила преподобного наставить ее на путь добродетели и, по совету Ефрема, удалась в один из ближних монастырей. Так же действовал Ефрем и на других. В городе еще были язычники. Все свободное время после молитвы и занятий по должности он употреблял на беседы с язычниками, заботясь об обращении их на путь спасения.

Среди таких трудов однажды встретил Ефрема какой-то благочестивый старец из соседнего с городом монастыря. Услышав беседу его с язычниками, инок удивился, найдя в таком месте и с такими людьми истинно христианского мудреца, и с некоторым огорчением спросил Ефрема: «Откуда ты, сын?» – как бы показывая, что ему надлежало бы быть не среди толпы порочных и неверных. Ефрем рассказал ему историю своей жизни. «Для чего же, – говорит ему инок, – будучи христианином, позволяешь себе оставаться в толпе язычников? Или ты намерен жить в миру?» Ефрем отвечал отрицательно, и тогда инок посоветовал ему вступить в один из монастырей в окрестностях Эдессы и начать жить под руководством какого-либо мудрого старца. Ефрем объявил, что жизнь иноческая есть единственное его желание, и последовал за иноком в гору, где обитали иноки⁸.

Эдесса, так же как и Низибия, имела своих великих подвижников, главное занятие которых состояло в молитвах, псалмопении и славословии Бога, которые не имели другого убежища, кроме пещер, не употребляли и обыкновенной пищи, а питались единственно растениями. С такими людьми скоро могла сблизиться душа пустыннолюбивого Ефрема. Он нашел себе друга в одном из таких подвижников, Иулиана, близкого ему и по келье, а еще более по духу, столь же сокрушенному, как и у Ефрема, и столь же неослабному в подвигах. Умилительно благоговейное сокрушение, с которым читал слово Божие этот старец, с пути погибели обращенный благодатью Божией. «Однажды, – говорит преподобный Ефрем, – придя к Иулиану, я увидел, что книги его не только мокры, но там, где встречаются слова “Бог”, “Господь”, “Иисус Христос” и “Спаситель”, буквы почти изглажены. Я спросил его: “Кто так испортил книги?” – “Не скрою от тебя ничего, – отвечал Иулиан. – Когда грешная жена приблизилась к Спасителю, она омыла ноги Его своими слезами и власами главы своей отерла их; так и я, где нахожу написанным имя Бога моего, орошаю его слезами, чтобы получить от Него прощение грехов моих”. – “Бог благ и милосерд, – сказал я ему, – Он примет твое благое расположение, но, – прибавил я дружески, – прошу поберечь книги”»⁹.

Ефрем и сам в уединении пещеры не переставал заниматься словом Божиим, черпая из него умиление и мудрость. Но сокровища его познания по большей части оставались сокрытыми от других, по смирению Ефрема. Вскоре тот же прозорливый старец, который привел Ефрема к инокам одесским, открыл в нем богопросвещенного наставника. Старец поведал братии, что однажды ночью, выйдя из своей пещеры, он увидел лик ангелов, блистающих небесным светом. Один из них держал в руках большую книгу или свиток, снаружи и внутри исписанный, и, обращаясь к другим, говорил: «Кому, думаете, я отдам эту книгу?» И когда одни указывали на Иулиана, вероятно, того подвижника месопотамского, который во время господства арианского был опорой православных в Антиохии¹⁰, другие на других, ангел сказал: «В настоящее время никто столь не достоин этой книги, как Ефрем

⁸ Кто был этот старец, склонивший Ефрема к пустынноческой жизни, неизвестно.

⁹ Жизнь Иулиана написана самим преподобным Ефремом.

¹⁰ Святитель Иоанн Златоуст, желая представить образец совершенства христианского, указывает на этого Иулиана.

Сирин», – и тут же вложил в уста его таинственную книгу. Это видение, напоминающее собой в некоторых чертах видение, бывшее пророку Иезекиилю (см.: Иез. 2, 8–3, 3), может быть, и дало Ефрему наименование пророка сирийского. Оно вызвало Ефрема на труды для общественной пользы.

Ефрем начал писать толкование на Пятикнижие Моисея¹¹. Уже написано было изъяснение на Книгу Бытия, как посетил его тот же старец. Прочитав написанное и усмотрев в творении Ефрема обилие благодати Божией, излившейся на него, старец пришел в удивление и еще более уверился в истинности бывшего о нем видения. Взяв у Ефрема рукопись, старец показал ее клиру одесскому и ученейшим лицам в городе. Все разделяли со старцем удивление перед мудростью писателя и, считая виновником этого труда самого старца, благодарили его. Старец принужден был объявить имя действительного писателя и, желая еще более уверить всех в справедливости своих слов, рассказал о видении, бывшем ему о Ефреме. Это привлекло общее внимание к иноку, до тех пор неизвестному; его начали посещать.

Для смиренного инока тяжела была слава; любовь к уединению не могла примириться с многолюдством приходящих, и Ефрем решил оставить свою пещеру и скрыться на горе, находившейся недалеко, в густом лесу. Но Богу негодно было его бегство от народа, которому он был нужен. На пути явился ему ангел и сказал: «Смотри, чтобы к тебе нельзя было приложить сказанного в Писании: *Ефрем – обученная телица, привычная к молотье* (Ос. 10, 11). *Зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике* (Мф. 5, 15)». Покорный воле Божией, Ефрем не только возвратился обратно, но и стал посещать город. Его духовная опытность и ревность о благочестии сделала его наставником иноков, а нужды Церкви – помощником пастырей эдесских, особенно в борьбе с еретиками.

«Вера рождает добрую мысль, а добрая мысль – река воды живой. Кто приобрел ее, тот наполнится водами ее»¹². Эти слова преподобного Ефрема справедливо могут быть приложены к нему самому. Душа его, напоенная живой водой слова Божия, изливалась неудержимым потоком умиленных наставлений. Согретые живым чувством, исходившие от полноты сердца, освященного благодатью Божией, слова его были исполнены помазания духовного. Чудно плодились в устах его самые убедительные увещания, трогательные обличения самого себя и других, мудрые правила и советы, и часто, неожиданным полетом, благоговейная мысль его возносилась к Богу, Вечному, Благому, чтобы исповедать славу Его любви беспредельной или просить у Него прощения грехов. Примеры и изречения библейские, опыты из жизни подвижнической, притчи и сравнения из царства природы – все было готово и являлось само собой в его простых, безыскусственных беседах.

В кругу иноков Ефрем чаще всего беседовал об обязанностях иноческих. Для некоторых писал и особые наставления, давал ответы на предложенные вопросы, предлагал уроки и новоначальным инокам, и настоятелям. Замечая ослабление правил строгой монашеской жизни, он старался восстановить прежнюю ее чистоту. Стоя на высоте совершенства духовного, он желал возвести и всех туда же. Так, в одной беседе, говоренной, вероятно, в первые годы его пребывания между эдесскими иноками, напоминая о бедствиях, постигших страну, – о землетрясениях¹³ и опустошении от персов¹⁴, – он призывал своих слушателей к исправлению и указывал им на высокие древние образцы. «Отцы наши, – с болезнью сердеч-

¹¹ Здесь, вероятно, имеется в виду то пространное толкование на некоторые места Книги Бытия, которое в сирийском издании помещено вместе с объяснениями Иакова Эдесского после краткого толкования на всю Книгу, потому что, как сам Ефрем говорит в начале этого толкования, он писал его после пространного, по просьбе своих друзей. Это, однако же, не был первый труд святого Ефрема. По свидетельству Бар-Гебрея, уже во время Никейского Собора святой Ефрем начал составлять стихотворения против тогдашних еретиков.

¹² «В подражание притчам».

¹³ О страшных землетрясениях на Востоке в 341–343 годах упоминают весьма многие историки.

¹⁴ Нападение персов на Низибину последовало в 338 году.

ной говорил он, – как светила осияли всю землю; по причине высокого и чистого жития их самые враги сделались их подражателями... Наше же учение, оставив прямые пути, идет по стремнинам и местам негладким. Ибо нет человека, который бы ради Бога оставил имение и для вечной жизни отрекся от мира. Нет ни кротких, ни смиренных, ни безмолвных. Никто не воздерживается от оскорбления, никто не терпит злословия... Земля, приходя часто в страх от лица Господня, колеблется под нами к устрашению нашему, а мы и этого не убоялись. Города поглощены и селения опустошены гневом Божиим, а мы и того не утрашили. Воздвигнуты брани персами и варварами, и опустошили нашу страну, чтобы мы, убоясь Бога, пришли в раскаяние, но и это нас не изменило...»¹⁵

С той же целью, чтобы возбудить ревность к подражанию первым пустынножителем, он не раз изображал в беседах своих правила и образ жизни «отцов скончавшихся».

Не менее заботила Ефрема судьба православия в Церкви Эдесской, которая, по значению города и кафедры Эдесской, могла иметь влияние и на всю Месопотамию. Тогда как в других странах пали или ослабели гностические (примиряющие христианство и язычество) лжеучения, волновавшие Церковь во втором столетии, в Сирии, Палестине и вообще в смежных с Месопотамией областях еще в IV столетии было очень много последователей лжеучения Маркиона. Так, в Эдессе еще держалась секта Вардесана, последователя Валентина и Маркиона; кроме него лжеучение Манеса, распространившееся из Персии, также оставило свои следы в Месопотамии. В IV веке ей не только угрожала общая болезнь времени – зараза арианства, но уже в самой Месопотамии возникли и отсюда распространились по другим странам заблуждения Аудия и мессалиан.

Вардесан, ученый эдесский, живший при дворе владетеля озроенского Авгаря, сына Маанова (152–187), известен своей борьбой против учения астрологов о влиянии планет на нравственное состояние людей и даже против Маркиона¹⁶; но вместе с тем он и сам проповедовал учение о двух началах: о Боге Непостижимом и о материи вечной, об исшедших из Божества зонах и их сочетаниях, об устройении ими мира и человека и о пришедшем для искупления человека в одном из эонов Христе в видимой, но не вещественной, а небесной плоти, и прочее. Чтобы привлечь к себе народ, он излагал свое учение в поэтической форме; написанные увлекательным языком, изобретенным самим Вардесаном размером, песни его, равно как и песни сына его Гармония, получившего образование в Афинах, распространили его учение даже за пределы Месопотамии и надолго укоренили его заблуждения.

Для того чтобы рассеять заблуждение, достаточно было противопоставить ему истину.

Но для привлечения заблуждающихся к истине Ефрем считал необходимым облечь ее в те же приятные формы, какими прикрывалось заблуждение. Поборнику истины нетрудно было усвоить простую метрику стиха Вардесана. Богатые природные дарования, постоянная возвышенность духа Ефрема, неистощимо обильное чувство, навык представлять свою мысль в светлых и выразительных образах, то же чистое наречие, на котором писал Вардесан (из трех известных наречий сирийского языка эдесское считалось лучшим), – все это обещало успех предприятию. Остальное довершит сила истины и дух благодати, изливавшийся во всех словах святого поэта.

Сколь ни тяжко, сколь ни оскорбительно было для святого чувства строгого инока знакомиться с хульными мнениями лжеучителя и читать в его песнях грубые изображения сластолюбивой фантазии, но Ефрем не отрекся от горького труда, чтобы тем вернее поразить своего противника. «Я нашел, – говорит он в одном из своих песнопений, – книгу Вардесана и смущен был на время скорбью, потому что она осквернила мой слух и сердце зловонием своих хулений. Я слышал в стихах его хулы и в его чтениях – злословия... Для рассеивания

¹⁵ «Слово подвижническое».

¹⁶ См.: *Евсевий*. Церковная история. Т. IV. С. 30.

мрака заблуждений, которые раздавались у меня в ушах, я обратился к Священному Писанию».

Вардесан не отвергал ни ветхозаветных, ни новозаветных книг Писания, поэтому Ефрем находил достаточным изложить в своих песнопениях только чистое учение слова Божия о Боге и Его отношении к нам, чтобы обличить суемудрие и лжетолкования еретика. Воодушевляемый ревностью к истине, он смело предаёт позору и проклятию тайны мнимой мудрости Вардесана и от скопищ еретических призывает в недра Церкви – хранительницы чистого учения. «Мы не полагаем упования нашего в семи планетах, в которые верует Вардесан, – говорит Ефрем в одном из своих песнопений. – Да будет проклят, кто будет говорить, как Вардесан говорил, что от них исходят дожди и роса, снег и голод, семена и плоды земледельцам, что от них голод и изобилие, лето и зима. Да будет анафема тому, кто отверг твердое упование на Господа, усвоит всемогущество семи планетам и на них полагает упование. Да будет проклят читающий Писания и противоречащий им, читающий апостолов и противящийся их учению. Блаженна ты, Церковь верных, ибо Царь царей утвердил в тебе Свое жилище. Твои основания никогда не поколеблются, ибо Господь – Страж твой: и врата ада не одолеют тебя, и хищные волки не смогут сокрушить или ослабить твоей крепости. О, как велик ты, дом Божий! Как ты прекрасен! Как великолепна ты, дочь народов!»

Так как лжеучение Вардесана в некоторых пунктах сходилось с еретическими мнениями Маркиона и Майеса, то часто Ефрем, опровергая одного, касался также и других. Например, когда говорил против вечного существования материи, против учения о причине зла в материи, о раздроблении Божества на зоны.

Оружие, избранное Ефремом для поражения ересей гностических, оказалось правильным. Народ с жадностью внимал песнопениям святого отшельника и забывал песни Вардесана. Поэтому Ефрем употребил то же оружие и против новых лжеучений, распространившихся в IV столетии. Под покровительством Констанция многие престолы епископские на Востоке были заняты арианами. Лжеучители, восставшие против Божества Иисуса Христа, дошли, наконец, до такого безумия, что Самое Божество не считали для себя непостижимым. С гордым презрением к смиренной вере, которая не дерзает переступить за указанные человеку пределы, они утверждали, что, признавая существо Божие, а равно и образ рождения Сына от Отца неведомым, нельзя именоваться христианином. «Вы не знаете, кому кланяетесь», – говорили они в упрек верующим. Провозвестниками таких ложных и вредных начал были Аетий и ученик его Евномий. Сверх того, господство ариан на Востоке сопровождалось множеством разделений и распрей церковных¹⁷. Все это отвлекало внимание от предметов, касающихся жизни христианской, и святое дело – благоговейное размышление о тайнах Божественных – часто обращалось в предмет праздного, а иногда и нечестивого суесловия.

С горестью сердца смотрел на такое несчастное положение дел преподобный Ефрем; с пламенной молитвой обращался он к Господу, чтобы Он умиротворил Свою Церковь. А чтобы заразительная болезнь, свирепствовавшая в Сирии, не коснулась и его страны, он дал в своих песнопениях предохранительное и вместе с тем целебное против нее врачевство¹⁸. Оплакивая бедственное состояние Церкви, он говорил: «Призванные в Церковь спорят и перед лицом истины обращаются к праздным вопросам; зависть и ревность ожесточили людей; в бешенстве они поражают друг друга – но и звери хранили мир в ковчеге Ноевом! Под предлогом защиты истины напрягают лук, мечут стрелы; страсть к прениям и ссорам стала колчаном, всегда готовым давать стрелы сражающимся. Лукавый враг посмеялся над

¹⁷ Как это весьма живо изобразил святитель Василий Великий в своих письмах и в книге «О Духе Святом».

¹⁸ Ряд этих песнопений, числом восемьдесят, надписывается «Против пытливых исследований». Сюда же относятся семь песнопений «О жемчужине» и три «О вере».

простотой и неопытностью: отведя людей от истинного учения, запутал их неразрешимыми вопросами; возбудил в них стремление к недоступному для них знанию, чтобы отвлечь от дозволенного занятия полезным учением. Занимаются Писанием – но не для того, чтобы, читая, преуспевать в благочестии, а для того, чтобы свободнее проповедовать свои заблуждения и быть искуснее в спорах. Неразумные люди удалились от столпов путевказательных и, чтобы блуждать беспрепятственнее, обратились в дебри и пустыни. Но только тому дано будет узреть Царя и получить от Него воздаяние, кто верно будет идти путем царским»¹⁹.

Неоднократно в подтверждение своих обличений Ефрем указывал на грозные суды Божии – губительные нападения персов. «Дело ясное, сами видите, как наказывает нас Бог посредством нечестивых, – говорит он в одном из своих песнопений. – Вместо того чтобы быть пшеницей, мы стали пылью, и вот, внезапный сильный ветер от Востока развеял нас. Мы не искали спасения в едином убежище спасения, и нас не спасли самые укрепленные города. Наши пастыри из суетной славы стремились к высшим степеням – и вот, они лежат поверженные на земле или отводятся в страну магов»²⁰.

Особенно Ефрем восставал против дерзких покушений суемудрия постигнуть непостижимое. Бесконечность Божества и ограниченность ума человеческого, тайны мира духовного и тайны природы видимой, свидетельство слова Божия и голос собственного сознания каждого – все приводит он к тому, чтобы уверить в безрассудстве тех, которые усваивают себе или мечтают приобрести знание сокровенного существа Божия. «Спроси мудрых и взвесь внимательно слово их: есть у человека другая душа – вера (а не знание). Тело оживляется духом, а дух – верой; без веры он труп»²¹.

Не довольствуясь этим, Ефрем внес в свои песни духовные и разрешение обыкновенных возражений ариан против учения о Божестве Иисуса Христа. «Мудрый исследователь, – говорит он в одном месте, – умеет восстановить согласие между такими местами Писаний, которые людям безрассудным кажутся противоречащими; соединяет их, своим разумением соглашая разногласное, и водворяет мир между раздраженными слушателями». И сам выполнил этот долг.

О том, как глубоко действовали наставления ревностного защитника православия на жителей Эдессы, лучше всего может свидетельствовать следующее событие, зафиксированное историками Церкви. Когда Валент, покровительствовавший арианам, в 373 году изгнал из Эдессы православного епископа Варсу, тогда православные отреклись от всякого с ним общения и устраивали свои молитвенные собрания за городом. Вскоре прибыл в Эдессу Валент и приказал префекту претории Модесту разогнать их, в случае нужды даже оружием. Но когда Модест отправился исполнять такое повеление, ему перебежала дорогу одна женщина с младенцем на руках. «Куда спешишь ты?» – спросил ее префект. «Я узнала, – отвечала женщина, – о замыслах ваших против рабов Божиих и потому спешу к своим единоверцам, чтобы вместе с ними принять от вас смерть». – «Зачем же с тобой ребенок?» – спросил ее тогда Модест. «Для того чтобы и он был участником вожделенной смерти», – сказала ревнительница веры. Такой ответ слабой женщины ясно показывал, чего можно ожидать от прочих сынов Церкви Православной. Модест немедленно донес об этом Валенту, и приказание было остановлено; Валент только повелел сослать в заточение до восьмидесяти восьми человек из клира эдесского. Такой твердостью в исповедании православной веры и готовностью умереть за нее жители Эдессы, без сомнения, были обязаны живому одушевлению песнопений пророка сирийского.

¹⁹ «Против пытливых исследователей».

²⁰ Там же. Вероятно, преподобный Ефрем понимает здесь взятие Амиды и других крепостей, построенных римлянами, в 359 году.

²¹ Там же.

В некоторых песнопениях преподобный Ефрем касается и других лжеучений, возникших в Церкви, но по большей части мимоходом. К числу таких принадлежат и заблуждения Аудия и мессалиан. Аудий (по-сирийски – Удо) около 340 года сделался известным в Месопотамии как лжеучитель, проповедуя свои антропоморфические представления о Божестве. Грубо понимая слова Писания о первом человеке, созданном по образу и по подобию Божию, и опираясь на те места Священной Книги, где образно приписываются Боже-ству члены тела и действия человеческие, он утверждал, что и Бог имеет тело. Можно думать, что одно из песнопений преподобного Ефрема, где объясняется библейский, человекообразный образ выражения о Божестве, направлено было к рассеиванию этого заблуждения, хотя здесь и не встречается имя Аудия. «Восхвалим, – говорит он, – Того, Кто усвоил Себе именование наших членов: ушей – чтобы мы знали, что Он слышит нас, очей – чтобы знали о Его пребывании с нами и умели смотреть за собой», – и так далее²².

Заблуждения Аудия, хотя и грубые, были не столь опасны, как появившееся в Месопотамии лжеучение мессалиан, или, как их же называли по-гречески, евхитов. Их мнимодуховное направление вело к разрушению существенных оснований Церкви. Отвергая силу таинства Крещения, они приписывали освобождение человека от злых духов единственно молитве внутренней; в ней только они находили средство к привлечению Святого Духа в человека; облагодатствованному, наделенному благодатными дарами человеку, таким образом, они усваивали полную свободу от греха и от всех подвигов борьбы с грехом, созерцание Божества и ведение будущего. Такие вредные мнения проповедовали в Эдессе Аделфий, Евстафий и другие лжеучителя.

Преподобный Ефрем укоряет мессалиан в праздности и развращении²³; все исследования о них, которые производились потом на Соборах в Малой Азии и Сирии, совершенно оправдывают такой отзыв. Мнимые «молитвенники» не хотели заниматься никаким трудом, и праздность, с их ложным убеждением

в своей святости, приводила их к разным порокам. Но невероятно, чтобы ревнитель истины удовлетворился одним только кратким упоминанием о них и не позаботился противопоставить злу более крепкий оплот. Может быть, вредные мнения, прикрываемые благовидным уважением к молитве, равно как и другие заблуждения еретические, врачевались заботливостью Ефрема дать ей верное направление и усилить собственно молитву церковную.

Как и святители Василий Великий в Кесарии и Иоанн Златоуст в Константинополе, преподобный Ефрем Сирий, соображаясь с потребностями времени, упорядочивал богослужение церковное в Эдессе. Он не коснулся литургии, как эти святители, – может быть, потому, что был простым иноком. Но он обогатил прочие части богослужения церковного своими песнопениями. По свидетельству сирийского жизнеописателя, он написал стихами для своей Церкви песнопения на дни великих праздников Господних: Рождества, Крещения, Воскресения и Вознесения Христова, на воспоминание страданий и крестной смерти Спасителя и в прославление других дел Домостроительства нашего спасения, а также о покаянии, на погребение умерших и на дни мучеников²⁴. В этих песнопениях ясно раскрывалось значение воспоминаемых событий и отношение их к нашему спасению и таким образом отражались ложные мудрования еретиков.

Чтобы более расположить жителей Эдессы к посещению храмов, для которых назначались эти песнопения, преподобный Ефрем призвал к их исполнению дев, посвятивших

²² «Против пытливых исследователей».

²³ См.: «Против еретиков».

²⁴ На дни мучеников, по свидетельству сирийского жизнеописателя, написаны стихотворения в честь матери маккавейских мучеников Соломонии и ее семи сыновей, а также на память эдесских мучеников Гурия Самона и Авива.

себя Богу, и сам обучал их напевам, по которым надлежало петь. Его предприятие увенчалось успехом. Увлеченные еретическими заблуждениями начали оставлять свои сходы и посещать церковные собрания.

Так ревностный инок поражал врагов истины и приобретал Церкви послушных чад веры. Когда дело шло о пользе Церкви, он не оставлял без внимания никаких ее требований. Вардесан препирался с астрологами халдейскими. Его труд во многом заслуживал одобрения; он вскоре сделался известным на греческом языке, и словами его пользовались учителя Церкви для опровержения того же заблуждения. Но суеверие еще держалось. Преподобный Ефрем в десяти песнопениях представил нелепость учения, которым отрицалась нравственная свобода человека и вся судьба его подчинялась влиянию звезд.

Примечая в иудеях надежды на восстановление святилища в Иерусалиме и возвращение рассеянных чад Израиля в свою землю, может быть, в то время, когда начал благоприятствовать им враг христианства Юлиан Отступник, преподобный Ефрем обширным стихотворением на день Входа Господня в Иерусалим напомнил им о древних пророчествах, которые возвещали пришествие Царя Израилева и, исполнившись на Иисусе Назарянине, не оставляли места ожиданиям иного Избавителя. Своей борьбой с заблуждениями разного рода преподобный Ефрем, наконец, до того раздражил противников истины, что однажды, вооружившись камнями, они напали на него посреди города и оставили его едва живым. Но это не помешало ревностному проповеднику истины, удалившись в свою пещеру, оттуда поражать их своим обличительным словом²⁵.

Желая оставить Церкви и после кончины своей живых проповедников истины, преподобный Ефрем собрал к себе учеников, которых наставлял своим примером и словом. Из числа этих учеников известны Зиновий, диакон Эдесской Церкви, Симеон, Мара Агелийский, Авраам, Исаак, Вaley и другие²⁶. Они занимались изъяснением

Священного Писания и подражали своему наставнику в стихотворных произведениях. «Ученики Ефрема, – сказано в одном житии его на сирийском языке, – по данной им премудрости, писали свои слова и толкования и, просвещаемые светом Божественным, многим открыли свет истины и путь к вечному спасению»²⁷. «Эти ученики вместе с другими учениками, коих Ефрем имел много, составили школу в Эдессе», – сказано в другом сирийском жизнеописании. Училище эдесское, основанное Ефремом, долгое время процветало и после его кончины, доставляя образование не только своей стране, но и христианам Персии и Армении.

Так слава Церкви Эдесской неразрывно соединена со славой имени Ефрема. Эдесса была одним из тех городов, благочестие которых не поколебалось даже во время правления Юлиана Отступника. Во время своего похода против персов, проходя через Месопотамию, он оставил в стороне этот город, как цветущий благочестием. Однако же он не утерпел, чтобы не выразить жителям Одессы всей ненависти своей к их верности православию, когда представился для этого случай. Последователи Валентина, вероятно из школы Вардесановой, принесли ему жалобу на оскорбление от эдесских христиан. Юлиан, пользуясь этим случаем, приказал отобрать у Одесской Церкви сокровища, а недвижимую собственность,

²⁵ Сирийское жизнеописание преподобного Ефрема рассказывает об этом так. Один пустынный, просвещенный Духом Святым, увидев святого Ефрема в городе, последовал за ним, громко взывая: «Сей есть *лопата в руке* Господа, которым *Он очистит все гумно Свое* (Мф. 3, 12) от плевел ересей; он есть тот огонь, о котором сказал Господь наш: *Огонь пришел Я низвести на землю* (Лк. 12, 49)!» Слыша это, первейшие граждане Эдессы – еретики, язычники и иудеи – вывели его из города и побили камнями.

²⁶ историк Созомен. Тот же Созомен и сирийское «Завещание» называют еще двух учеников: Павлина, или Павл она, и Аврита (Арвида), или Арната, которые хотя и славились красноречием, но не сохранили в чистоте веру православную.

²⁷ Исааку приписывается сочинение «О трех Лицах Святой Троицы и о воплощении Господнем», Бaley известен своими псалмопениями, Зиновий писал против Маркиона и других лжеучителей.

ей принадлежавшую, отписать на себя. При этом он не позабыл присовокупить обыкновенной своей насмешки над блаженством нищеты евангельской.

Сколь ни были очевидны духовные дарования Ефрема, его подвиги иноческие и заслуги перед Церковью, но, считая себя меньшим всех, Ефрем хотел увидеть великих пустынножителей Египта, откуда распространилось монашество повсюду, и посетить великого архипастыря Каппадокийского Василия, заботы которого об умиротворении Церквей Восточных касались и Месопотамии.

Ревнителю благочестия находили в перенесении трудов и опасностей странствования подвиг, а в беседах и жизни мужей опытных – назидание. Вот почему Василий Великий посещал египетских пустынников, а также живших в Палестине, Келесирии и Месопотамии, когда сам решился посвятить себя жизни иноческой. И в своем благочестивом странствовании он везде находил много людей, которые самым делом показывали, что носят в теле своем мертвость Господа Иисуса. С таким же намерением отправился в Египет и отшельник месопотамский, уже после многих лет строгого подвижничества в Низибии и Эдессе. Взяв с собой ученика, умевшего говорить по-гречески, он достиг берегов Средиземного моря и сел на корабль. Его твердая вера и упование на силу Божию избавили его и плывших с ним от опасности потопления во время сильной бури, которую святой Ефрем укротил своей молитвой.

Гора Нитрийская приняла его как давно ожидаемого гостя. Сирийские жизнеописания преподобного Ефрема согласно повествуют о его пустынножительстве с египетскими отшельниками в течение восьми лет, о его спорах с арианами, об исцелении некоего бесноватого монаха и о написании им в Египетской пустыне многих книг. Сирийский жизнеописатель упоминает о свидании здесь преподобного Ефрема с богоизбранным иноком Паисием, а египетский жизнеописатель преподобного Паисия, Иоанн Колов, сам бывший некоторое время его сподвижником, описывает это свидание, не называя сирийского посетителя, но так его изображает, что нельзя не узнать в нем Ефрема²⁸. Передадим этот рассказ полностью.

В Сирии жил один великий между подвижниками отец, украшенный различными добродетелями. Однажды во время молитвы пришла ему мысль узнать, кому из угодивших Богу он подобен. Занятый этой мыслью, он услышал Божественный голос, который сказал ему: «Иди в Египет – там найдешь человека по имени Паисий, который, подобно тебе, имеет смиренномудрие и любовь к Богу». Услышав это, старец немедленно, не обращая внимания на дальность расстояния и трудности пути, отправился в дорогу и поспешно пошел из Сирии в Египет. Достигнув горы Нитрийской, старец спрашивал, где живет Паисий, и так как имя Паисия было всем известно, то вскоре он узнал место его жительства.

Божественной благодатью возведено было и Паисию о прибытии старца. Встретившись в пустыне, старцы с любовью обнялись и целовали друг друга целованием святым о Господе. Войдя в келью Паисия и сотворив молитву, они сели. Не зная египетского языка, старец начал беседовать со святым Паисием на сирийском языке через переводчика. Египтянин Паисий весьма скорбел о том, что не знал сирийского языка, ибо не хотел потерять ни одного полезного слова старца. Возведя очи свои к небу, устремив ум к Богу и из глубины души вздохнув, Паисий сказал: «Сыне Божий, Слове! Дай мне, рабу Твоему, силу понимать слово этого святого старца!» Едва сказал он это в уме своем, как тотчас стал понимать сирийскую речь старца и сам, научаемый Духом Божиим, начал говорить на сирийском языке. После этого старцы наслаждались богодухновенной беседой без переводчика, рассказывая

²⁸ Житие преподобного Паисия Великого, написанное Иоанном Кодовом, помещено почти без всяких изменений в Четьей Минее под 19 июня. Преподобный Паисий Великий был учеником святого преподобного Памвы. О святом Памве и Иоанне Колове см.: «Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов».

друг другу, что, по откровению Божию, каждый научился делать и каких кто из них сподобился от Бога дарований.

В таких беседах провели они шесть дней, насыщаясь духовной сладостью и веселясь о Боге, Спасителе своем. По окончании душеспасительных бесед, когда старец хотел отправиться домой, святой Паисий, созвав всех учеников своих, при нем находившихся, сказал: «Возлюбленные дети! Вот муж преподобный, совершенный в добродетелях, исполненный благодати Святого Духа. Примите от него благословение и молитву в защищение себя от всех нападений вражиих».

По слову святого старца все ученики, сотворив поклон преподобному старцу, начали принимать от него благословение. Старец, помолившись Богу об учениках Паисия, облобызав святого Паисия и всем поклонившись, отправился в свою страну.

Вскоре после отшествия его пришел к святому Паисию один брат из числа отшельников. Ученики Паисия сказали ему: «Был у нас здесь человек Божий, сириянин, старец великий между отцами, просвещенный умом и сердцем, душеспасительными словами весьма укрепивший нас; ныне он ушел в свою страну. Если хочешь получить от него благословение, то можешь догнать его, потому что он еще недалеко ушел». Брат этот хотел тотчас же бежать за старцем, но святой Паисий сказал ему: «Не ходи, потому что преподобный несется в свою страну на облаках и прошел уже более семидесяти поприщ». Все удивились словам старца и прославили Бога, дивного во святых Своих.

Преподобный Ефрем посещал и других подвижников египетских и оставил о себе память в сердцах их, как о муже богопросвещенном, а сам вынес отсюда для себя и для своей братии поучительные уроки о жизни и правилах великих подвижников египетских, как скончавшихся, так и еще находившихся в живых²⁹. На обратном пути из Египта Ефрем вознамерился посетить Кесарию Каппадокийскую, чтобы увидеть архиепископа ее Василия, духовное величие которого, согласно некоторым жизнеописаниям святого Ефрема, было открыто ему в чудесном видении огненного столпа, вершина которого достигала неба³⁰.

Имя Василия давно уже сделалось известным между врагами и защитниками православия. Его просветительская работа, которую он посвятил распространению веры

Христовой, его книги против Евномия, его управление делами Кесарийской Церкви еще в сане пресвитера, его старания об умиротворении Церквей Восточных и сношения с епископами восточными по вступлении на архиепископский престол в 370 году, его дружеское отношение к святому Евсевию, епископу Самосатскому, епархия которого была смежной с Месопотамией и которого Василий, по временам, посещал, его строгая подвижническая жизнь, заботливость о распространении монашества в Понте и Каппадокии и правила, данные им инокам, – все это могло возбудить в Ефреме, также защитнике православия от ариан, ревнителе мира церковного и строгом иноке, сильное желание увидеть великого архипастыря. В то время когда Ефрем прибыл в Кесарию, имя Василия покрылось новой славой, так как покровители арианства ни льстивыми предложениями, ни угрозами, ни прениями не могли поколебать твердости Василия, а сам Валент только в молитвах Василия искал спасения своему умирающему сыну. (Это было в начале 372 года.) Таким

образом Василий не только сохранил Каппадокию от влияния арианства, но и сильнее мог действовать в поддержку православия в других странах. Уже многие епископы Востока дали ему согласие на то, чтобы войти в сношение с Западными Церквями и просить у

²⁹ См. краткие известия о нем, помещенные между сказаниями о подвижниках египетских в «Достопамятных сказаниях о подвижничестве святых и блаженных отцов». Между сочинениями Ефрема есть беседы, в некоторых рукописях надписанные так: «К монахам египетским».

³⁰ Путешествие это, очевидно, не могло состояться раньше 370 года, когда святитель Василий Великий был возведен в сан епископа.

них помощи: в их числе были и епископы Месопотамские Варса Эдесский, Вит Каррский, Авраам Ватнийский.

Свое свидание с архиепископом Кесарийским Ефрем изобразил потом в похвальной песне Василию, которая могла иметь целью не только прославить его высокие достоинства, но и укрепить союз с ним, как с мужем богопросвещенным, приверженцев православия. Заимствуем некоторые черты из этого песнопения.

Первое свидание Ефрема с Василием было в храме. Сравнивая виденное здесь с видением, бывшим апостолу Петру в Иоппии, когда увидел он *сходящий к нему некоторый сосуд, как бы большое полотно* (Деян. 10, 11), Ефрем говорит: «Когда Господь умилосердился надо мной, явив милость Свою, услышал я голос: “Встань,

Ефрем, и ешь мысленные снеди”. – “Откуда возьму, что есть мне, Господи?” И сказал мне: “Вот в дому Моем царский сосуд (βασιλικόν) преподает тебе снесь”. Весьма удивившись сказанному, я встал и вступил во храм Всевышнего. Тихо войдя на церковный двор и с сильным желанием устремив взоры в преддверие, увидел я во Святая святых сосуд избранный, светло простертый перед паствой, изукрашенный боголепными словесами, и очи всех были обращены к нему».

Василий тогда предлагал поучение. «По окончании наставления извещен он был обо мне Духом Святым и, призвав к себе мою худость, спрашивал через переводчика, говоря мне: “Ты ли Ефрем, прекрасно преклонивший выю и взявший на себя иго спасительного слова?” И сказал я в ответ: “Я – Ефрем, который сам себе препятствует идти небесной стезей”. Тогда, обняв меня, этот дивный муж напечатлел на мне святое лобзание свое. Предложил и трапезу из снедаемого мудрой, святой и верной его душой, – приготовленную не из тленных яств, но наполненную нетленными мыслями. Ибо рассуждал он о том, какими добрыми делами можем мы умилоствити к себе Господа, как отражать нам нашествия грехов, как преграждать входы страстям, как приобрести апостольскую добродетель, как умоли неподкупного Судию. И я, заплакав, возопил и сказал: “Ты, отче, будь хранителем для меня, расслабленного и ленивого. Ты наставь меня на правую стезю, ты приведи в сокрушение окаменелое сердце мое. Перед тобой поверг меня Бог духов, чтобы ты уврачевал душу мою!”»

Впрочем, вначале эта встреча не обошлась без некоторых сомнений со стороны святого Ефрема, о которых рассказывают некоторые его жизнеописатели. Еще только войдя в храм и увидев святителя Василия в великолепном облачении и окруженного клиром, святой Ефрем сказал своему спутнику, переводчику: «Думаю, брат, мы предпринимали напрасный труд, идя сюда: невозможно, чтобы окруженный таким великолепием был тот, которого я созерцал под видом огненного столпа от земли до неба». Не понимая значения этого великолепия, святой Ефрем стоял в недоумении и опять повторил переводчику: «Бесполезно, брат, мы пришли сюда, перенеся труды и зной дневной, ибо человек, окруженный таким блеском и пышностью, может ли быть тем огненным столпом, который я видел?»

Пока преподобный Ефрем так раздумывал и недоумевал, святитель Василий взошел на кафедру и начал объяснять народу Священные Книги. Святой Ефрем, хотя и не понимал греческой речи, но увидел Святого Духа, говорившего устами великого проповедника. В похвале святителя Григория Нисского об этом сказано так: «Созерцательным оком души он видел блистающего светом голубя, сидящего на правом плече его и сообщающего ему слова учения, которые проповедник передавал народу. От этого Божественного голубя он и узнал о пришествии Ефрема, и о том, что он был сирийцем».

Лишь после этого святой Ефрем узнал того, кто ранее был открыт ему в виде огненного столпа, и громким голосом стал выражать проповеднику свое одобрение. Этим он обратил на себя внимание святителя

Василия, который спросил его, как может он одобрять его греческую проповедь, не понимая ее. На это святой Ефрем сообщил ему о видении им Святого Духа. В свою очередь

святитель Василий поведал своим ученикам (уже после разлучения со святым Ефремом), что он видел Ефрема, стоящего в церкви, а по правую и левую сторону его находились два ангела в блестящих, как молния, одеяниях.

Вслед за этим святой Ефрем описывает, как святитель Василий беседовал с ним о страдальческом подвиге Сорока севастийских мучеников и как эта беседа исполнила его душу ревностью о благочестии. Предоставляя другому времени прославление их страданий и мужества, Ефрем переходит к сравнению собственного подвига Василия в борьбе против ариан с подвигом мученическим, описывает чудесное исцеление Василием сына Валента Галата и троекратное сокрушение трости в руке императора, когда хотел он подписать приговор о ссылке Василия в заточение. Понятно, какие чувства должна была внушить такая песнь всем, искавшим в Василии опоры своей вере!

След этой встречи сохранился и в творениях великого каппадокийского святителя: например, толкование слова *носился* в библейском выражении Книги Бытия: *Дух Божий носился над водою* (Быт. 1, 2) как «влагал жизненную силу в воды, землю и воздух» святитель Василий, по его собственному свидетельству, заимствовал у преподобного Ефрема, когда тот приходил в Кесарию.

Ефрем не говорит, но некоторые его жизнеописатели уверяют, что святитель Василий желал посвятить его во пресвитеры, но тот по смирению отказался, и тогда святитель поставил его в чин диакона. А сирийский жизнеописатель, кроме того, говорит, что святитель Василий, уже по удалении Ефрема в Эдессу, присылал туда двух своих учеников с приглашением его на кафедру епископскую и что Ефрем только притворным юродством избавился от этой почести, которой, по смирению, сознавал себя недостойным. Что касается святителя Василия, то в его желании видеть Ефрема святителем, в тогдашних смутных обстоятельствах, нет причины сомневаться. Известно, сколько затруднений надлежало ему победить, чтобы возвести своего пустыннолюбивого друга Григория на престол епископский, и, однако же, он достиг своего желания. Распространение арианства повсюду, разделение митрополии Кесарийской и высокие достоинства Ефрема легко могли внушить святителю Василию мысль о предложении ему сана святительского.

Но насколько Ефрем сам уклонялся от всяких почестей, настолько сила Божия прославляла преподобного, где бы он ни являлся. В Египте он исцелил дерзкого арианина, молитвой изгнав из него злого духа, который устами его изрыгал хулы на Сына Божия. В Самосатах, где Ефрему нужно было проходить из Кесарии в Эдессу, встретил он, при самом входе в город, зараженного неправомыслием учителя с толпой юношей. Один из этих учеников, заметив убогого инока, нагло издевался над ним и даже ударил его по лицу. Кроткий Ефрем смиренно удалился. Но вскоре рука дерзкого юноши была уязвлена змеей так, что он немедленно умер. Все увидели, что это было наказание Божие за обиду, недавно причиненную страннику, и, отыскав Ефрема, просили его о помощи. Юноша был возвращен к жизни, и это многих расположило оставить заблуждения.

После этого святой Ефрем и его спутник, переводчик, приходят в Эдессу, где святой Ефрем вновь ведет напряженную и плодотворную для православия борьбу с разными ересями посредством многочисленных сочинений, обличительных речей и песнопений. Успеху борьбы с инакомыслием содействовала также самоотверженная и строго подвижническая жизнь преподобного Ефрема, а также чудеса святого угодника Божия, из которых сообщается об исцелении расслабленного нищего при вратах храма апостола Фомы.

Спустя четыре года после свидания с Ефремом святитель Василий, как уже говорилось, посылает в Эдессу двух доверенных лиц, Огофила и Фому, с поручением привести святого Ефрема в Кесарию для посвящения его в епископский сан. Но смирение святого подвижника побуждает его принять на себя вид юродивого и тем отклонить предложение святителя Васи-

лия. После этого сообщается о множестве написанных святым Ефремом сочинений разного рода и, между прочим, о его толкованиях на Ветхий и Новый Завет.

К этому же времени относится рассказ о последней, «заочной» встрече святителя Василия и святого Ефрема, который, впрочем, содержится не во всех жизнеописаниях и по этой причине отвергается некоторыми исследователями жизни святого Ефрема. В Кесарии была некая знатная и весьма грешная женщина. Веруя в святость святителя Василия, она написала все свои грехи и просила угодника Божия молиться о ней. Святитель Василий взял запись и положил перед престолом. По молитвам угодника Божия и по вере и истинному раскаянию женщины все грехи изгладились на записи, кроме одного, который был больше всех других. Раскрыв запись и увидев этот грех, женщина припала к ногам угодника Божия, прося его замолить этот грех. Тогда святитель Василий послал женщину с этой записью в Эдессу, к святому Ефрему, сказав ей, что этот великий угодник Божий может освободить ее от греха.

Женщина поспешно отправилась к святому Ефрему, который, однако же, отказался отпустить ей этот грех и сказал, что тот, кто замолил многие ее грехи, может освободить ее и от этого греха, и чтобы она спешила обратно в Кесарию, ибо святителю Василию предстояла скорая кончина. Но в Кесарии женщина встретила уже похороны святителя Василия. Вне себя от скорби бросилась она на землю, жалуясь на угодника Божия за то, что он послал ее в долгое путешествие, хотя сам мог избавить ее от греха. Бросив в гроб запись, на которой начертан был ее грех, она все рассказала городу. Но когда один из окружавших гроб клириков взял запись и развернул ее, он не нашел начертания греха, что служило знаком отпущения греха и прославления Бога во святых Своих³¹.

Возвратившись в Эдессу, преподобный Ефрем остаток дней своих хотел провести в уединении. Но Промысл Божий еще раз вызвал его на служение ближним. Жители Эдессы страдали в то время от голода. Ефрем слышал вопли изнемогавших под тяжестью жестокого бедствия. Горевшая любовью к ближним душа его не могла спокойно слушать стонаний страждущих, и бедный инок, не имевший у себя ничего, отправился из своего уединения в Эдессу в надежде употребить на пользу страждущих единственное средство, которое он имел, – силой слова смягчить жестокость богачей, не только не хотевших раздавать с избытком лежавший у них хлеб, но даже и продавать его по низкой цене. Утешая бедных, Ефрем в то же время склонял богатых к милосердию, угрожая им в случае непокорности мщением Божиим. «Разве вы не знаете, – говорил он жестокосердым, – что вы за богатство свое должны благодарить Бога? Несчастные, умоляю вас, пощадите свои души! Теперь самое благоприятное для вас время действовать и заслужить Царство Небесное! Теперь самое благоприятное время уничтожить рукописание долгов ваших Богу!»

Убедительные слова всеми уважаемого старца произвели свое действие. Затруднялись только, кому поручить распоряжение вспомоществованием. Ефрем охотно принял и это на себя. Тогда богачи, один за другим, стали приносить деньги и другие дары и повергали их к ногам Ефрема. С благодарностью принимая приношения, он раздавал их бедным, отовсюду к нему стекавшимся, а для больных и совершенно бесприютных устроил богадельню, в которой несколько благочестивых собратий помогали ему в трудах. И это было последним делом служения Ефрема на пользу ближних. С наступлением плодоносного лета миновало общественное бедствие; тогда Ефрем удалился опять в свою пещеру и не оставлял ее уже до конца своей жизни, которой определено было скоро прекратиться³².

Вскоре по возвращении своем из Эдессы преподобный Ефрем заболел. Слух об опасной болезни святого старца быстро распространился по окрестностям. Толпы народа

³¹ Главным аргументом против недостоверности этого эпизода служит несоответствие года смерти святителя Василия по этому рассказу общепринятому. Согласно общепринятым данным, святитель Василий скончался 1 января 379 года, на шесть лет пережив сирийского праведника, кончина которого последовала в 372 или, самое позднее, в 373 году.

³² Этот эпизод описан в «Лавсаике» Палладия, епископа Еленопольского, и в «Истории Церкви» Созомена.

устремилась к его жилищу, чтобы получить от него последние наставления. Предчувствуя близкую кончину, Ефрем, уже находясь на смертном одре, болезненной рукой написал «Завещание», в котором оставил нам истинное изображение себя.

Оканчивая свое земное поприще, святой старец с дерзновением прибегает к Богу как Свидетелю чистоты своей веры, в которой желал утвердить и других. «Клянусь, – говорит он в своем «Завещании», – Снисходившим на гору Синайскую и Вещавшим из камня (см.: Исх. 17, 6); клянусь устами, возопившими: *Элои!* (Мк. 15, 34) и приведшими этим в содрогание всю тварь; клянусь Тем, Кто продан Иудой и биен в Иерусалиме, клянусь могуществом Ударенного по ланите и величиим Приявшего заплевание; клянусь тремя Именами³³ Огня и единым Божиим Существом и единой волей, что не отделялся я от Церкви и не восставал против Божия всемогущества. Если возвеличивал я в уме своем Отца паче Сына, то да не помилует Он меня. Если умалял я Духа Святого перед Богом, то да покроются тьмой очи мои. Если исповедовал иначе, нежели как говорили, то да ввержен буду во тьму кромешную. Если говорю лицемерно, то да буду вместе со злыми гореть в пламени. Если говорю это из человекоугодия, то да не послушает меня Господь на Суде».

В течение всей жизни Ефрем долго боролся с врагами истины Христовой. В конце дней, обозревая труды свои, святой старец упомянул о них, чтобы внушить ученикам своим ту же ревность к сохранению правой веры, какой горела его душа. «Ни днем, ни ночью, – говорил он, – всю жизнь свою никого не злословил я и с начала бытия своего ни с кем не ссорился, но непрестанно состязался в собраниях с отступниками. Ибо знаете, что и хозяин овец бьет своего пса, который, видя, как волк идет в овчарню, не бежит и не лает на него». С горечью он провидел вторжение в стадо Церкви этих губительных волков: его пророчество через три месяца исполнилось. «По смерти моей, – говорит он, – придут к вам злочестивые люди в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные (Мф. 7, 15). Сладки речи их, но склонности сердца их полны горечи; добры они по наружности, но происходят от сатаны. Бегайте их и учения их и не приближайтесь к ним. Не отступайте от веры моей и не преступайте слова моего».

С особенной любовью в «Завещании» он останавливается мыслью на тех учениках своих, вера, просвещение и жизнь которых подавали ему надежду на их верность истине и благоуспешную деятельность. И вся душа его возмущается, когда он вспоминает имена изменников истины. Первым преподает он благословение, последних предаёт проклятию. «Симеон, – говорит он одному из верных своих учеников, – Бог да услышит тебя; в какой ни приидешь град, да исполнишь там церковь, как чашу». Другому говорит: «Слово твое да будет как огонь и да потребит терния ересей; как пламень в лесу, да поалит их слово учения твоего; как Давид, побеждай и низлагай сынов заблуждения вместо Голиафа».

Уверенный, что любовь к нему эдесских жителей не преминет обнаружиться в богатых приношениях для его погребения, Ефрем, ничего не требуя для себя, все обращает в пользу бедных. Он говорит окружающим его: «Принесите, что обещали вы, и положите с братом вашим; принесите и положите передо мной, чтобы сам я, пока остается у меня несколько памяти, назначил тому цену... и пусть это роздано будет бедным, нищим и нуждающимся. И вам будет это на память, и мне на пользу, вас наградит за это милость Божия, как раздателей, а меня, – как советника». Нестыжательный инок не хотел обременять себя и по смерти тем, что отвергал при жизни. «Клянусь и вашей, и своей жизнью, – говорил он, – у Ефрема не было собственности, не было ни жезла, ни мешка, потому что слышал я слова Господа: *Не собирайте себе сокровищ на земле* (Мф. 6,19)».

Но всего яснее обнаружилось в «Завещании» Ефрема глубокое смирение и сокрушение сердечное, которые были душой его жизни. Отсюда проистекали его последние заповеди,

³³ Слово «имя» преподобный Ефрем часто употребляет в значении «лицо».

чтобы не погребали его с пышностью, не прославляли его при погребении, не сопровождали его гроб торжественно, но вместо всяких украшений и ублажений старались облегчить его судьбу своими молитвами. «Кто положит меня, – говорил он, – под жертвенником, тот да не узрит Божия Жертвенника, потому что смрадной нечистоте неприлично лежать на святом месте. Если кто положит меня во храме, тот да не узрит Храма света, потому что суетная слава бесполезна тому, кто недостоин славы. Для чего воздавать почести тому, кто не соблюл своей чести? Не полагайте меня с мучениками, потому что грешен я и ничего не стою; по недостаткам своим боюсь и приближаться к костям их. Кто понесет меня на руках своих, у того руки да покроются проказой, как у Гиезия, но, подъяв меня на рамена, несите как можно скорее и предайте погребению, как презренного, потому что бедственно прошли дни мои.

К чему прославлять вам меня, когда посрамлен я перед Господом? К чему ублажать вам меня, когда нет у меня добрых дел? Если бы кто описал вам дела мои, то всякий из вас оплевал бы мне лицо; если бы зловоние грешника ощущали приближающиеся к нему, то все бы убежали от Ефремова смрада... Грешен я, осквернен нечистотой и непотребством, очернен грехами. Какой нет во мне нечистоты? Какого не лежит на мне греха? Все непотребное, все беззаконное и скверное есть во мне. Вовсе ничего хорошего не сделано мной во все дни мои, вовсе ничего доброго не совершено с тех пор, как произвели меня на свет родители мои.

Ничего не берите у меня на память себе, ибо на память вам есть у вас слышанное вами от Господа нашего. Если возьмете что у Ефрема, то Ефрем будет в ответе. Господь скажет мне: «В тебя более веровали они, нежели в Меня». Кто со мной во гроб положит шелковую одежду, тот да будет ввержен во тьму кромешную; кто со мной во гроб положит багряницу, тот да будет низринут в геенну огненную. В моей ризе и в кукуле предайте меня земле, потому что убранство неприлично непотребному.

Кто понесет передо мной восковую свечу, того да пожжет огонь из внутренности его. К чему огонь тому, кто сожигается собственным своим огнем? Лучше пролейте, братия, слезы свои обо мне и о всех, подобных мне. Во грехах и в бесполезной суете провел я дни свои.

Не полагайте со мной во гроб ароматов, потому что честь эта для меня бесполезна; не полагайте благовоний, потому что они не избавят меня от суда. Ароматы воскурите во святилище, а меня предайте земле с псалмопениями. Вместо того чтобы расточать благовония и ароматы, вспоминайте меня в молитвах своих.

Не полагайте меня в ваших гробницах, потому что ни к чему не послужат для меня ваши украшения. Я же дал обет Богу, чтобы погребли меня со странниками. Я такой же странник, как и они. С ними положите меня. Положите меня на кладбище, где погребены сокрушенные сердцем». Так высказывалась в последний раз смиренная и сокрушенная душа великого Ефрема.

В некоторых жизнеописаниях святого Ефрема приводятся два случая, произошедшие во время этой последней беседы преподобного с учениками. Когда умирающий старец повелел не класть его в гроб в богатых одеждах, но если кто-нибудь приготовил их, тот лучше пусть отдаст их нищим, тогда один из присутствовавших, очень богатый и знатный человек, приготовивший для погребения святого Ефрема богатые одежды, услышав запрещение угодника Божия, решил в душе своей, что вместо самих одежд лучше раздать бедным ту сумму денег, какую они стоят. Но лишь только он подумал об этом, как был схвачен злым духом и с пеной изо рта и в корчах упал к ложу умиравшего праведника. На вопрос святого Ефрема, что с ним, он рассказал о своих размышлениях и решении отдать бедным не самую одежду, а ее денежную стоимость. Тогда святой Ефрем, возложив руку на недужного, исцелил его и повелел ему поступить так, как он мысленно решил.

Другой случай связан с дочерью главного военачальника и префекта эдесского по имени Лампротата, которая тоже была ученицей преподобного. Припав к ложу умирающего праведника, она стала громко оплакивать его и просила позволить ей хотя бы самый про-

стой ковчег приготовить для останков угодника Божия и чтобы после смерти ей быть похороненной у ног святого Ефрема, дабы таким образом никогда не разлучаться с угодником Божиим. Видя ее искренние слезы и слыша горячие молитвы, преподобный Ефрем разрешил ей исполнить это желание, но с условием, чтобы ковчег не был мраморным и чтобы и другим не воспрещать делать то же. Кроме того, святой Ефрем связал ее и других, которые пожелали бы ей подражать, обетом никогда не садиться на носилки, которые носили мужчины, так как это неприлично для женщины, через которую вошел грех в мир, и для мужчины, коего Глава есть Сам Христос. Когда женщина эта скрепила клятвой свой обет, тогда угодник Божий благословил ее, дав ей обещание, что в детях и потомках ее не прекратится начальство до Второго пришествия Господа. После этого святой Ефрем предал Богу дух свой.

Спустя месяц по возвращении в свое уединение преподобный Ефрем скончался на руках своих учеников и любивших его эдесских жителей. При многочисленном стечении клира, пустынников и народа тело его предано было земле точно так, как он завещал, – на кладбище, где хоронили странников, и только некоторое время спустя нетленные останки его перенесены были в храм. По наиболее достоверным свидетельствам, святой Ефрем скончался в июне 373 или 372 года, а родился в начале IV столетия, вероятно в 306 году.

Творения святого преподобного Ефрема Сирина

Преподобный Ефрем Сирин всегда пользовался общим уважением в Церкви, как по своей жизни, так и по писаниям. Святитель Григорий Нисский говорит: «Прославлять мне надобно того, который на устах у всех христиан, Ефрема, которого жизнь и учение сияют во всем мире. Ибо он известен почти всей подсолнечной, и только разве те его не знают, которые не знают великое светило Церкви – Василия Великого». Блаженный Иероним свидетельствует, что писания его в некоторых церквях читались в церковных собраниях после Священного Писания.

Уважение, какое питала Древняя Церковь к писаниям святого Ефрема, открывается и из того, что многие его сочинения еще при жизни его были переведены на греческий язык. Так, например, церковный историк Созомен свидетельствует: «Еще при жизни Ефрема начали переводить его писания, и доселе они переводятся; и переводы не намного лишены достоинства подлинника, так что и грек, читая их, удивляется им наравне с сирийцем»³⁴.

В римском, до сих пор остающимся наиболее полным, издании творений святого Ефрема, по языку, на котором они более известны нам, его писания разделены на две части: первую составляют творения, известные на греческом языке, вторую – на сирийском. В первой части содержатся преимущественно молитвы и духовно-нравственные творения преподобного Ефрема, изложенные частично в поучениях, частично в беседах, составленных в виде вопросов и ответов, а некоторые – в кратких афористических изречениях. Во второй части помещены все его толкования по порядку книг ветхозаветных и отдельные объяснения некоторых глав Священного Писания, все его полемические сочинения, изложенные в стихах, несколько бесед о разных предметах, а также песнопения о покаянии и на погребение умерших.

Нет убедительных оснований думать, что сам преподобный Ефрем писал на греческом языке. Из древних писателей, которые говорят о языке его творений, все замечают только, что он писал на сирийском языке и что на греческом языке известны только переводы с сирийского. Впрочем, нет также причины сомневаться и в том, что преподобный Ефрем знал греческий язык. Из некоторых его сочинений видно, что он читал писания греческих отцов Церкви, которые в его время еще не были переведены на сирийский язык. Так, он читал сочинения святого Иринея, епископа Лионского (в сочинении «О добродетели» он приводит обширную выписку из труда святого Иринея «Против ересей»), жизнь Антония Великого, описанную святителем Афанасием Александрийским, и прямо указывает на сочинителя этого жизнеописания в десятой «Беседе на слова: *Тщательно храни душу твою*».

³⁴ «Церковная история». Т. III. С. 2.

Можно также отметить, что он немного был знаком и с греческими философами Сократом, Платоном и Аристотелем, которых он характеризует в коротких словах. В его писаниях встречаются объяснения греческих слов. Наконец, преподобный Ефрем, как увидим впоследствии, при толковании Священного Писания во многих местах руководствовался переводом Семидесяти толковников.

Из-за утраты или неизвестности подлинных писаний преподобного Ефрема греческие переводы заняли их место. О близости их к подлиннику можно судить только по немногим творениям, дошедшим до нас и на сирийском языке, и в греческом переводе. Таково, например, «Завещание» преподобного Ефрема и его песнопение «О пророке Ионе».

По своему содержанию творения преподобного Ефрема можно разделить на следующие разделы:

1. Толковательные
2. Духовно-нравственные
3. Догматико-полемические
4. Молитвы и песнопения.

Толковательные творения

По свидетельству святителя Григория Нисского, преподобный Ефрем писал толкование на все Священное Писание. «Ефрем, – говорит он, – толковал все древнее и новое Писание, от сотворения мира до последней благодатной Книги». У сирийских писателей находим также перечисления толкований Ефрема на разные Книги Священного Писания Ветхого Завета, такие как Бытие, Исход, Левит, Иисус Навин, Судей, на четыре Книги Царств, на Книгу Псалмов, Книги пророков Исаии, Иеремии, Иезекииля, Даниила и двенадцати меньших пророков, а некоторые упоминают и о толковании на евангелистов, прибавляя к этому, что Ефрем объяснял Евангелия, следуя Четвероевангелию Татиана, ученика святого Иустина Мученика, начав пояснения со слов: *В начале было Слово* (Ин. 1,1). В древнем армянском переводе сохранился и самый текст этого толкования, и, кроме того, в этом переводе имеются толкования преподобного Ефрема на Послания апостола Павла, на Паралипоменон и на Деяния святых апостолов. Но не все объяснения его на Ветхий и Новый Завет дошли до нас. Так, не сохранились толкования на Книги Руфи, Есфири, Притчей Соломона, Екклесиаста, Песни песней Соломона, Псалмов, Ездры, Неемии, Иудифи, Товита, на Книги Маккавейские.

Толковательные творения, бесспорно, принадлежат к лучшим трудам преподобного Ефрема Сирина. Обладая средствами, доступными и для других древних церковных толкователей Священного Писания, святой Ефрем имел у себя много таких, которые не имели другие и которые поэтому сообщают его толкованиям особенное достоинство. Так, он обладал важным и необходимым для толкователя Ветхого Завета знанием еврейского языка, на что указывают прямые ссылки на еврейский текст Священного Писания Ветхого Завета во многих местах толкований, причем иногда святой Ефрем даже поправляет некоторые недостатки сирийского перевода Библии. Это было для него тем проще, что его родной язык находился в ближайшем родстве с еврейским и это близкое родство часто служило толкователю верным пособием при определении смысла священных слов и выражений.

Обладая знанием еврейского языка и находя немаловажную помощь при толковании в своем родном языке, Ефрем пользовался греческим переводом Семидесяти, иногда прямо называя его греческим переводчиком, иногда просто – другим переводчиком. Например, в объяснении места из Книги пророка Амоса (Ам. 6,1), Ефрем говорит: «Греческий переводчик переводит: *Обымаша начатки языков*, а еврейский текст говорит: “Назначая самих себя в главы народов”».

Кроме того, в объяснении ветхозаветных книг преподобному Ефрему могло помогать и собственно знание Востока, где происходили великие события Ветхого Завета. В опыте настоящего он мог иногда находить объяснения того, что происходило в давние времена. Ему хорошо были известны жизнь, нравы и обычаи евреев, во множестве живших в его время в Месопотамии, и других восточных народов, с которыми евреи находились в соприкосновении. И преподобный Ефрем часто этим пользовался. Так, объясняя слова Первой книги Царств: *И собрались в Массифу, и черпали воду, и проливали пред Господом* (1 Цар. 7, 6), Ефрем пишет: «Этим обрядом они хотели утвердить новый завет с Богом. У евреев этот обряд употреблялся в виде заклятия; этим они как бы так говорили: “Как мы изливаем сию воду, так да прольется кровь наша, если после этого мы отступим от Господа и обратимся к богам языческим”».

Объясняя жертву, при которой был заключен завет Авраама с Богом (см.: Быт. 15, 9-12), он пишет: «Объяснение на это место надобно искать в обычаях халдеев. У них был обычай, чтобы клянущиеся проходили среди рассеченных трупов животных, расположенных в известном месте и определенном порядке по обеим сторонам, и каждый при этом произно-

сил установленные слова: “Не дай Бог, чтобы и со мной то же случилось!” Поскольку же Авраам по происхождению был халдеем, то Бог и благоволил заключить с ним завет сообразно с его отечественным обычаем». Объясняя далее слова: *И налетели на трупы, хищные птицы; но Аврам отгонял их* (Быт. 15, 11), Ефрем говорит: «Думаю, что и это надобно объяснять также из обычаев халдейских. Халдеи, привязанные к птицегаданиям, обыкновенно наблюдали за полетом птиц. Бог и в настоящем случае благоволил допустить нечто подобное. Итак, когда птицы во множестве летали вокруг рассеченных трупов, Авраам, по обычаю, с детства ему знакомому, внимательно наблюдал, что потом станут делать птицы и куда направят полет свой». Потом, объясняя слова: *И вот, напал на него ужас и мрак великий* (Быт. 15, 12), толкователь, вероятно, причиной страха полагает то, что халдеи считали предзнаменованием великого несчастья и беды, если хищные птицы сядут на жертвы. Объясняя, наконец, слова: *Дым как бы из печи и пламя огня прошли между рассеченными животными* (Быт. 15, 17), Ефрем пишет: «Пещь дымящаяся и прохождение горящих светильников подтверждают замеченное выше, что Бог в настоящем случае благоволил сообразоваться с обычаями халдеев. У них было в обычае при совершении клятв проходить между рассеченными трупами со светильниками в руках».

Объясняя заповедь: *Вы сыны Господа, Бога вашего; не делайте нарезов на теле вашем* (Втор. 14, 1), Ефрем пишет: «Повелевает и постановляет законом на телах своих не делать едкими составами неизгладимых начертаний, подобно тому как делают египтяне, на телах своих начертывая неизгладимые изображения богов своих». Причину, из-за чего Бог воспретил насаждать дубравы близ алтаря Своего, Ефрем находит в том, что язычники имели обычай устраивать капища своим богам в рощах и дубравах. Объясняя слова: *И не давал из нее (из церковной десятины) для мертвого* (Втор. 26, 14), Ефрем говорит: «Этим указывается на обычай язычников готовить трапезы мертвым».

Иногда преподобный Ефрем пользовался и устными преданиями, сохранявшимися на Востоке и передававшимися из рода в род. Из предания, конечно, почерпнуты краткие сведения о некоторых пророках, оставивших нам свои писания, например об Авдии, Ионе, Иеремии. Предания эти отчасти согласуются с теми сведениями, которые содержатся в известном сочинении о пророках святителя Епифания, епископа Кипрского.

Нет сомнения, что такими преданиями особенно были богаты иудеи. Толкования преподобного Ефрема дают повод думать, что он был знаком с современными ему учеными толкователями иудейскими. Часто в его объяснении Писания встречаем указания на толковников, с которыми он иногда соглашается, а иногда и отвергает их. Почти везде такие указания находятся при объяснении буквального, исторического смысла Священных Книг, а не в приложении древних пророчеств к событиям новозаветным. Подобным образом блаженный Иероним также обращался к иудеям для изучения буквального, исторического смысла ветхозаветных писаний и благодарил Бога, что может от горького семени пожинать плоды сладкие. Все эти пособия, при особенной близости сирийского перевода Священного Писания к подлиннику, облегчали преподобному Ефрему понимание Священных Книг.

Направление, которого держался преподобный Ефрем в своих толкованиях, весьма верно охарактеризовал святитель Григорий Нисский. Он говорит, что Ефрем объяснял Писание буквально, но и не оставлял без объяснения глубоких тайн созерцания. Строго осуждая слепых приверженцев буквы Писания, он также осуждает излишнюю склонность к аллегорическому толкованию. Так, объясняя первый стих Книги Бытия, Ефрем говорит: «Никто не должен думать, что шестидневное творение есть иносказание; непозволительно также говорить, будто бы что по описанию сотворено в продолжение шести дней, то сотворено в

одно мгновение, а также будто бы в описании этом представлены одни наименования, или ничего не означающие, или означающие нечто иное»³⁵.

Правда, в толкованиях Ефрема ясно выражена мысль, что весь Ветхий Завет, даже в своих частностях, есть совокупное пророчество о Христе: любящая и везде ищущая Христа душа его и в Писании везде хотела видеть Его – в лицах, событиях, вещах и действиях ветхозаветных он видит образы Нового Завета. «Смысл таинственный почти везде, – говорит он, – следует за историческим. Что пророки говорят о случившемся или имеющем быть с народом Божиим, то надобно относить к будущему состоянию Церкви Христовой, и вообще это служит к изображению Божественных распоряжений относительно всех праведных и нечестивых»³⁶.

Но нигде преобразовательное и пророческое объяснение у Ефрема не простиралось до уничтожения буквального исторического смысла. Между пророчествами о Христе он ясно различал такие пророчества, которые ни к кому другому не могут быть отнесены, кроме Иисуса Христа, и такие, которые исторически могут относиться отчасти и к известному ветхозаветному лицу или народу, и лишь прикровенно ко Иисусу Христу, и, начав исполняться еще в ветхозаветные времена, достигают полного события только в лице Христа и во времена новозаветные.

Так, объясняя слова пророка Исаии (Ис. 35, 4–5): *Вот Бог ваш, придет отмщение, воздаяние Божие; Он придет и спасет вас. Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзнутся*, Ефрем говорит: «Пророк предвозвещает иудеям будущие блага за те притеснения от ассирийян и вавилонян, которые привели их в оцепенение, так что они, видя, не видели и, слыша, не понимали. Поэтому теперь предсказывает им, что будут они в состоянии, противоположном прежнему: что отверзнутся очи слепых и так далее. И во всей истине совершено это Мессией. Когда для спасения всех людей соделался Он человеком, тогда отверзал очи слепым, и исцеленные Им увидели свет. Он делал ясным язык немых, давал слух глухим, даже когда люди не телесно только, но и душевно одержимы были этими недостатками. Ибо язычники, слепые в богопознании, увидели свет благовидения и слухом своим вняли гласу животворной евангельской трубы, *ибо пробьются воды в пустыне* (Ис. 35, 6). Конечно, означается этим и то избавление иудеев, тот мир и то спокойствие, какие последовали за гибелью ассирийян, в самой же сущности исполнилось это в пришествии Господа. Ибо Он как бы “пробился” с неба, подобно живой воде сойдя в мир сей, эту жаждущую пустыню, и соделался как бы источником прибежища среди бесплодной долины»³⁷.

Вообще, по представлению Ефрема, Священное Писание Ветхого Завета, кроме предметов, относящихся собственно к людям ветхозаветным, включает в себе и истины, составляющие тайну Сына Божия, прикрытые образами, полное раскрытие которых предоставлено времени пришествия Христа. Часто при объяснении ветхозаветных событий он повторяет: «Это тень, а истина – Христова»³⁸. При таком воззрении на Ветхий Завет Ефрем в каждом случае и прежде всего объясняет буквальное значение слов Писания и уже после этого открывает таинственное значение, где оное усматривает, и при этом проводит резкую черту между тем и другим толкованием; отличая каждый смысл своим наименованием, называет один – смыслом близким, буквальным, другой – иносказательным, духовным, смыслом высшего разумения.

³⁵ «Толкование на первую Книгу Моисея – Бытие», 1.

³⁶ «Толкование на Книгу пророка Исаии», 23.

³⁷ Там же, 35.

³⁸ См.: «Толкование на Книгу пророка Амоса», 9.

Духовно-нравственные творения

В духовно-нравственных творениях Ефрем является, по преимуществу, проповедником сокрушения сердечного. Ни о чем так много не говорил и не писал он, как о сокрушении сердечном, о необходимости непрестанно проливать слезы покаяния, потому что и сам он был проникнут чувством глубочайшего сокрушения. Святитель Григорий Нисский говорит, что «непрестанно плакать для Ефрема было то же, что для других дышать воздухом. Кто будет читать его писания, – прибавляет святитель Григорий, – тот увидит, что он не тогда только плачет, когда говорит о покаянии, но и в похвальных словах, где другие обыкновенно выражают радость».

Ни днем ни ночью не отступала от него мысль о грехах. «На ложе моем, – говорил он в одном из своих умиленных песнопений, – помыслил я о Тебе, Человеколюбец, и в полночь восстал прославить благодать Твою. Привел себе на память долги и грехи свои и пролил потоки слез. Ободряли меня разбойник, мытарь, Мария, грешница, хананейка, а также кровоточивая и самаряныня при колодце водном. Они говорили мне: “Восстань, умолай о щедротах; Господь твой исполнен щедрот!”»³⁹

В другой раз он поведал братии своей, как однажды, среди размышлений о суете жизни временной, напал на него великий страх и он узрел очами сердца своего Господа, сидящего во славе Своей. «Господь сказал душе моей – так говорит Ефрем – “Для чего ты, душа, возгнушалась небесным своим чертогом, который наполнен светом славы? Для чего ты, душа, невеста Моя, ненавидишь Пречистого и Бессмертного Жениха? Для чего ты, душа, возгнушалась благами, какие уготовил Я тебе во свете жизни?.. Для тебя вошел Я в общение со смертью; для тебя и человеком Я стал... Я сделал так, чтобы ангелы служили тебе... А ты возгнушалась Небесным Женихом...” Убоялся я, братия, – продолжал Ефрем, – вникая в страшные слова Господни, и сказал: “Вы, горы, покройте грешника и нечестивца!”; преклонив вниз голову свою и проливая о себе слезы, говорил: “Услышь, Владыка, плач мой и не поступи со мной по всем делам моим!”»⁴⁰

Полный сокрушения сердечного, преподобный Ефрем, когда желает и других расположить к смиренному сознанию своих грехов, всегда старается сначала поставить на вид свое собственное недостойнство. Нередко он начинает свои наставления такими или подобными словами: «Будьте, по сроднобию своему, сострадательны ко мне, братия. Избранники Божии, склонитесь на воззвание человека, который обещал благоугождать Богу и солгал Сотворившему его; склонитесь, чтобы ваших ради молитв избавиться мне от обладающих мною грехов. С детства стал я сосудом непотребным и позорным... Увы мне, какому подпал я осуждению! Увы мне, в каком я стыде!.. Подлинно, у меня только образ благочестия, а не сила его»⁴¹.

Желая в других возбудить сокрушение, он всегда прежде старается возбудить его в себе. Часто слышатся в его наставлениях такие воззвания к самому себе: «Сокрушайся, душа моя, сокрушайся о всех благах, которые получила ты от Бога и которых не соблюла. Сокрушайся о всех злых делах, которые совершила ты! Сокрушайся и кайся, чтобы не предали тебя во тьму кромешную»⁴². То же чувство сокрушения Ефрем старался возбудить и в других. «Приидите, – говорил он в том же слове, – братия мои, придите, отцы, придите, рабы Христовы, сокрушим сердца свои и будем день и ночь плакать перед Господом! Приидите,

³⁹ «О покаянии», 42.

⁴⁰ «О душевном страхе».

⁴¹ «Обличение самому себе и исповедь».

⁴² «Слово умиленное» второе.

вспомынем неизреченные и неописанные оные блага – и сокрушимся. Приидите, вспомынем тот страшный и в ужас приводящий Престол и тот стыд, какой ожидает нас перед ним, – и восплачем о себе. Приидите, напомним себе, что праведники *воссияют, как солнце* (Мф. 13, 43), а грешники окажутся подобными пригари на горшке, и, сокрушившись сердцем, возревнуем о добрых делах. Приидите, в сокрушении и в простоте сердца припадем к Богу, потому что Он благ и милосерд и спасает кающихся».

По опыту зная спасительные плоды сокрушения и слез, Ефрем и в своих наставлениях другим живо изображал силу спасительного плача. «Начало плача, – говорит он в слове, имеющем длинное название «О том, что должно не смеяться и рассеиваться, но плакать и проливать о себе слезы», – познание самого себя... Плач созидает и охраняет. Плач отирает слезами душу и делает ее чистой; плач рождает целомудрие, отсекает прихоти, усовершенствует добродетели. Что еще сказать? Плач убажается Богом». «Велика сила слез, братия! – читаем уже в «Слове о Суде и об умилении». – Умиление вселяет в нас Единородного Сына, когда вожделеваем Его. Умиление привлекает на душу Духа Святого. Удостоверьтесь, братия, что на земле нет радости слаще той, какая бывает от умиления. Изведали ли опытно вы, братия, силу слез? Озарился ли кто из вас этой радостью слез по Богу? Если кто из вас, испытав это и усладившись этим, во время усердной молитвы возносился над землей, то в этот час бывал он весь вне тела своего, вне всего этого века и уже не на земле. Таковой с Богом беседует, во Христе просвещается. Великое чудо, братия: человек перстный с Богом беседует в молитве своей! Святые и чистые слезы по Богу всегда омывают душу от грехов, очищают ее от беззаконий. Слезы по Богу во всякое время дают дерзновение перед Богом. Нечистые помыслы никак не могут приблизиться к душе, которая имеет всегдашнее умиление по Богу. Умиление есть нерасхищаемое сокровище. Душа, имеющая умиление, ликовствует неизглаголанной радостью; умиление же разумю продолжающееся не один день, но до конца жизни – ночь и день. Умиление есть чистый источник, орошающий плодоносные насаждения души. Под плодоносными же насаждениями разумю добродетели и заслуги, орошаемые всегда слезами и молитвами».

Непрестанным представлением Страшного пришествия Христова, Последнего Суда и будущей участи праведников и грешников, сам возбуждая в себе сокрушение, преподобный Ефрем часто и перед своими слушателями изображал картину Последнего Суда. О чем бы он ни говорил, слово его как бы невольно склонялось более или менее к этому предмету. О том, что мысль о Суде постоянно была присуща душе его, лучше всего показывает следующее его поучение: «В один день, встав очень рано, ходил я с двумя братьями вне благословенного града Эдессы, возвел очи свои на небо, которое, подобно чистому зеркалу, со славою осиявало звездами землю, и в удивлении сказал: “Если звезды сияют с такой славой, то кольми паче праведные и святые, сотворившие волю Святого Бога, в тот час, когда приидет Господь, воссияют неизглаголаным светом Спасительной славы!” Но вдруг при воспоминании о Страшном пришествии Христовом содрогнулись кости мои и, ощутив смущение и в теле и в душе, заплакал я с сердечной болью и сказал, вздыхая: “Каким я, грешник, окажусь в этот страшный час? Как предстану Престолу Страшного Судии? Что мне делать, когда святые узнают друг друга в чертоге небесном? Кто меня узнает? Праведные будут в чертоге, нечестивые в огне! Мученики покажут свои муки, подвижники свои добродетели, а я что покажу, кроме слабости своего нерадения? О душа рассеянная, душа грешная, душа бесстыдная, душа, ненавидевшая всегда жизнь свою! Долго ли пресмыкаться тебе по земле?”»⁴³

Сокрушение Ефрема не было, однако же, горьким, безотрадным состоянием души. И сквозь слезы сияет в словах его тихая небесная радость, истекающая из сердца, полного любви к Богу и крепкого упования на своего Спасителя. «Во всю жизнь, – говорит святитель

⁴³ «Слово умилительное» первое.

Григорий Нисский, – словами и делами своими он говорит с псалмопевцем: *На Него уповало сердце мое* (Пс. 27, 7)». И тогда, когда он говорит о сокрушении сердечном, его мысль возносится к беспредельной благодати Божией. Он проливает слезы не тогда только, когда проникнут мыслью о своей греховности, но и когда с благодарностью и благоговением обозревает величие благодеяний и любви Божией к человеку. Располагая и других к слезам, он не хочет ввести их в безотрадное состояние. «Будем лицом светлы, – говорит он, – будем радоваться на дары Господни о Духе Святом; станем же плакать и сетовать мысленно, умоляя Бога, чтобы сохранил нас от всякого вида лукавства»⁴⁴. «Всех, кого печалит совесть о неприличных делах, – пишет Ефрем во втором «Умилительном слове», – умоляю: не отчаивайтесь в себе, не доставляйте радости своему сопернику. Но без стыда приступите к Богу, плачьте перед Ним и не теряйте в рассуждении себя надежды. Ибо Господь наш весьма рад кающимся и ждет обращения нашего». Поэтому-то в наставлениях Ефрема столько сладости и силы: они поражают и утешают, сокрушают страхом душу огрубевшую и наполняют тихим умилением, заставляют лить слезы, но такие, сладостнее которых на земле нет ничего.

⁴⁴ «О том, что должно не смеяться и рассеиваться, но плакать и проливать о себе слезы».

Полемико-догматические творения

В полемико-догматических творениях святой Ефрем является защитником истины против современных ему лжеучителей, возмущавших Церковь Эдесскую. Догматические творения его написаны более в виде благоговейных размышлений об истинах, подвергаемых сомнению или перетолкованию, нежели в виде исследований догматических. Он не входит в подробное рассмотрение оснований, на которых утверждается истина, но по большей части только указывает на них или даже просто излагает истину так, как она исповедуется и как должно исповедовать ее верному сыну Церкви. Редко также он обращается и к рассмотрению оснований, на которые опирались лжеучения: он более обличает, нежели опровергает.

Такой характер полемики, без сомнения, зависел от самой формы, какую избрал учитель эдесский для своих опровержений, – формы стихотворной. А выбор формы, как мы видели, определялся частично обстоятельствами, частично назначением этих произведений собственно для народного употребления. Преподобный Ефрем писал в стихах опровержение против еретических заблуждений, потому что сами еретики излагали свое учение в стихах (в некоторых сочинениях, направленных против лжеучения Вардесана, например, святой Ефрем подражает даже размеру и напевам песен этого лжеучителя). Простые жители Эдессы, увлекавшиеся приятностью внешней формы вредных стихотворений, имели нужду не столько в ученном опровержении заблуждений и в полном развитии доказательств православия, сколько в общепонятном, живом, действующем на чувство и воображение изложении истины, как она исповедуется Церковью.

МОЛИТВЫ И ПЕСНОПЕНИЯ

И в нравственных, и в полемико-догматических творениях преподобный Ефрем часто обращается от беседы с людьми к сладкому собеседованию с Богом, или молитве.

Но и кроме этого он оставил Церкви много умиленных молитв и молитвенных песнопений. Они дошли до нас частично на греческом языке, но более на сирийском. Между сирийскими главное место занимают песнопения на Рождество Христово, покаянные и погребальные. Хвалебные песни Ефрема Господу Воплотившемуся отличаются торжественностью. Две из них он влагает в уста Самой Матери Богочеловека; в них Святая Дева прославляет величие Своего Сына и призывает всех к Нему. В одной – священный песнопевец, приглашая всю тварь, небо и землю к прославлению Сына Божия, располагает свои словеса по летам земной жизни Христа Спасителя.

Покаянные песнопения Ефрема исполнены умиления, как и все его беседы о покаянии. Преподобный Ефрем сам назначал их для церковного употребления, как видно из заключительных слов последнего песнопения. Посвящая благодатные плоды духа своего Господу, как Анна – благодатный плод молитвы, сына своего Самуила, он говорит: «Плод благодати Твоей, Господи, исшедший от духа моего, да служит в доме Твоем пред Тобою, как служил Самуил, который родился по благодати Твоей и также был от горы Ефремовой»⁴⁵.

Из погребальных песнопений некоторые написаны, вероятно, по случаю смерти лиц, особенно известных своим благочестием и заслугами перед Церковью, поэтому Ефрем восхваляет их подвиги. Есть особые песнопения на погребение епископов, пресвитеров, диаконов, клириков, монахов, богатых, отцов и матерей семейств, юношей, детей; три погребальные песни скончавшимся во время язвы; одна – на погребение странных, между которыми завещал похоронить себя, по смирению, и сам преподобный. В своих погребальных песнях Ефрем призывает к молитвам за отшедших, растворяет скорбь отрадным упованием на милость Искупителя, напоминает оставшимся о скоротечности жизни, о Страшном Суде и вечной жизни. Иногда эти наставления излагаются в виде беседы между почившим и сопровождающими его во гроб.

На греческом языке известны молитвы преподобного Ефрема к Пресвятой Троице, Сыну Божию, Духу Святому и Пресвятой Богородице. Некоторые из них взяты из его бесед. Инок греческий Фикара извлек из писаний Ефрема, равно как и из Священного Писания, молитвы на каждый день недели. Словами преподобного Ефрема Святая Церковь до сих пор молится во дни покаяния: «Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми...»

Ему же, по некоторым рукописям, принадлежат и следующие молитвы, употребляемые в церковном и домашнем богослужении: «Господи, Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, умилосердися и помилуй мя грешного» (молитвы на сон грядущим); «Боже Праведный и Хвальный, Боже Великий и Крепкий...» (молитва после 5-й кафизмы); «Величая величаю Тя, Господи, яко призрел еси на смирение мое...» (молитва на субботней полунощнице) и, наконец, молитва ко Пресвятой Богородице: «Нескверная, неблазная, нетленная, Пречистая, Чистая Дево...»

⁴⁵ «О покаянии», 76.

О стихотворениях преподобного Ефрема Сирина

По внешней форме поэтические произведения святого Ефрема, как догматические, главным образом заключающиеся в восьмидесяти семи песнопениях «Против пытливых исследователей» и в пятидесяти шести «Против еретиков», так и другие, например восемьдесят пять песнопений «На погребение умерших» и семьдесят шесть песен «Увещания к покаянию», различаются между собой размером стихов и строф. По размерам стихов в творениях Ефрема можно находить:

а) стихотворения четырехсложные, у которых строфа слагается или из пяти стихов (например, «Против еретиков», 67), или из десяти («Против еретиков», 42) или, наконец, из двенадцати («Против пытливых исследователей», 80);

б) пятисложные, которые или вовсе не разделяются на строфы («Против еретиков», 56), или разделены по строфам, но различаются количеством стихов каждой строфы; так, иные заключают в себе пять стихов, из которых последний составляет как бы припев («На погребение умерших», 13, 32, 34, 35), другие – шесть («Против пытливых исследователей», 33), иные семь («Против пытливых исследователей», 15, 19), иные, наконец, двенадцать стихов, из которых последний служит как бы припевом, заключая в себе или славословие Богу, или выражение благочестивого желанья («Против пытливых исследователей», 49);

в) семисложные, в которых строфа заключает иногда четыре стиха («Против пытливых исследователей», 3), иногда шесть («Против пытливых исследователей», 1), иногда, наконец, десять стихов, из которых последний служит припевом («Против еретиков», 22);

г) наконец, стихотворения, написанные смешанным размером, в которых некоторые стихи имеют восемь слогов, другие семь, а строфы заключают в себе тринадцать стихов («Против еретиков», 25).

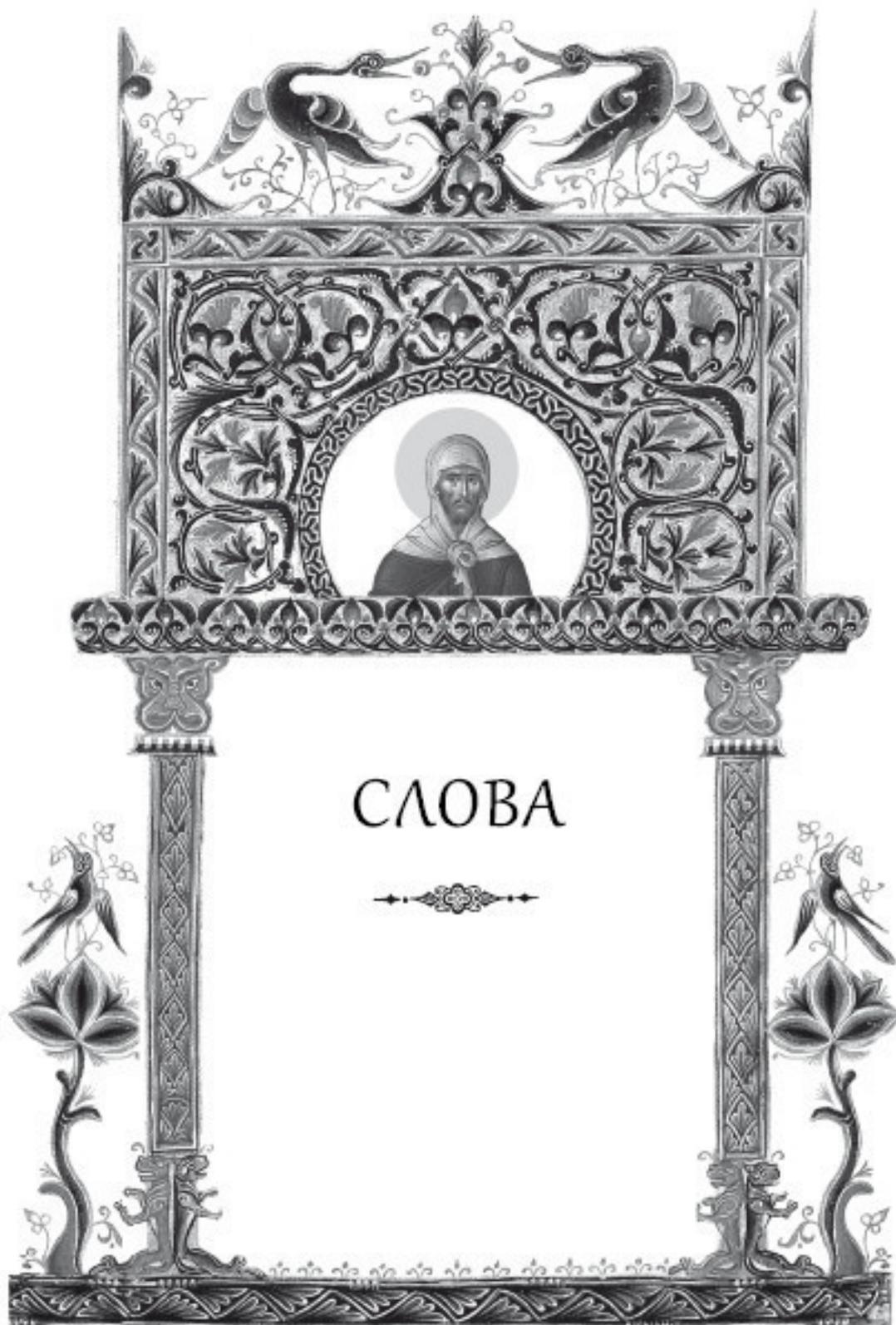
Любимым размером Ефрема был семисложный, так что у сирийцев и в последующие времена этот размер удержал за собой название «Ефремова размера».

Стихотворения святого Ефрема разделяются на два вида: речи (мимре) и гимны, назначавшиеся для пения (мадраше); первые написаны стихами, то есть состоят из строк с одинаковым числом слогов, чаще всего семислоговых («Ефремов размер»); вторые имеют деление стихов на строфы различной величины, от четырех до двенадцати стихов, а некоторые мадраше имеют, кроме того, алфавитные акростиhi.

Прежний взгляд на сирийское стихосложение как на силлабическое, в последнее время довольно сильно поколеблен Гримме, доказывающим, что сирийское стихосложение вообще и святого Ефрема в особенности основывается не на количестве, а на качестве слогов и на ударении и что тоническое стихосложение византийское и позднейшее латинское возникло из сирийской метрики. Рифмы встречаются редко, без определенного правила, и являются случайным созвучием.

Слова

Слово о том, как душа, когда искушает ее враг, должна со слезами молиться Богу

Скорбью подавленная душа приступает к Тебе, Святой Владыка, и со слезами предстает, жалуясь на губителя, врага, и со всяким смирением припадает, прося защиты от угнетающего ее сопротивника. Так как без стыда приступает она к Тебе, то выслушай ее вскоре и внимательно посети ее, прибегающую к Тебе с любовью. Если презришь душу, подавленную скорбью, то она погибнет. Если замедлишь выслушать ее, утесненную, то оскудеет она в силах. Но если по щедротам Своим посетишь – то обретется, если призовишь на нее – то спасется, если услышишь ее – то укрепится в силах.

Поревнуй о ней, ибо душа обручена с Тобой. Обручил же ее с Тобой апостол Павел, который сказал, что Ты – бессмертный ревнитель (см.: Евр. 12, 29; ср.: Втор. 4, 24). Не презри ее, чтобы враг не подумал, что Ты в разводе с ней и отослал ее от Себя. Накажи меня, Господи, по щедротам Твоим, но не предавай меня в руки губителя. Вот, отовсюду собрал я мысли свои и не могу перед Тобой припомнить чего-либо доброго, исключая одного: не знаю другого Бога, кроме Тебя.

Благодать врачеваний Твоих – безмерная широта, и всем приходящим к Тебе подает она исцеление; язвы мои часто врачуются Твоими щедротами, но снова загнивают по моему нерадению. Пока здоров, я забываю врача, но и врач забывает меня в недуге моем. Что грехи мои огорчают Тебя – знаю; помилованный, прогневаю Тебя – и это также неизвестно мне. Не забываю и того, что Ты поддерживаешь меня Своим милосердием, подобно сердобольной матери, отвергаемой собственным детищем, которая, однако, не в состоянии презреть его, будучи побеждена своей горячей привязанностью к нему. И если она так поступает, то кольми паче Твое милосердие!

Вот, Владыка, и сердобolie птицы изливаются на птенцов ее, и она каждый час навещает их, принося им пищу, трудится, чтобы накормить их, потому что одолевается своей горячностью. Если же бессловесные так сердобольны, то кольми паче благодать Твоя, тысячекратно препобеждаемая милосердием, милует приходящих к ней и истинно ищущих ее! Вот и источник, полный вод, непрерывно струясь, обильно подает питье всем, приходящим к нему, и не имеет недостатка в похвалах человеческих. Но не за то хвалит его человек, что он даром подает ему питье, а за то, что в нем прославляет Тебя, ибо явно, что источник подает питье по благодеянию благодати Твоей. Так источник изображает собой беспредельное море Твоих щедрот.

Ты изобильно питаешь небесные силы и наделяешь пищей всякое дыхание на земле, не имея нужды в похвалах и прославлении всей твари, Ты прославлен в сущности величия

Твоего и в велелепии славы Твоей. Любовь Твоя, желая нашего спасения, сама преклоняется к нам, чтобы мы, прославляя ее, в ней же спаслись.

Уверен я, что сама любовь благодати Твоей приемлет и защищает приходящего к ней. И как Предвидец, Владыка, видишь Ты, совершенно ли совлекся он от мира, и, прежде нежели придет он к двери, отверзаешь ему, прежде нежели припадет, простираешь к нему руку, прежде нежели источит слезы, повергаешь на него щедроты Свои, прежде нежели исповедует долги свои, даешь ему прощение. Не обвиняешь, не говоришь: «Куда расточил ты время? Почему пропустил ты срок?» Не спрашиваешь о количестве в рукописании грехов его. Не помнишь, что прогневлал Тебя нерадением своим, не упрекаешь за пренебрежение Твоими благодеяниями, но, предвидя смирение, плач и сердечное расположение, возглашаешь: «Выньте лучшую одежду и оденьте его, заколите откормленного теленка на упокоевание и веселие; пусть соберутся ангелы и радуются обретению погибшего сына и возвращению заблудшего наследника! (Лк. 15, 22–23)». Как встречают купца, возвратившегося домой с великим богатством, так благодать Твоя приемлет грешника, от всей души к Тебе приходящего. Ибо Он любит зреть слезы, жаждет видеть покаяние, радуется рачительности старающихся покаяться.

Потому и на мне покажи великое Свое милосердие и дай мне отдохновение от угнетений губителя. Ибо, изъязвив меня, стоит и насмехается он надо мной. И как ученики на море пришли и пробудили Тебя и от благословенного гласа уст Твоих перестала буря ветренная, утихло смятение волн, так услышь слезы мои, которые день и ночь пробуждают Тебя. Трудясь двенадцать лет, мнимые врачи не в состоянии были уврачевать кровотечение, будучи скорее мучителями, нежели целителями. Но чего не смогли дать они, то подал Сам Ты, что огласили неисцелимым они, то сделал Ты здоровым и без труда даровал исцеление.

Надеясь укрыться, тайно приступила кровоточивая к воскрылию одежд Твоих. Приступила, не коснувшись святого тела; одеяние Твое подало ей исцеление и безбедное освобождение от многих врачей. Освободи, Милосердный Врач, и мою подавленную скорбью душу от стыда и укоризн угнетающего меня врага. Покажи на членах моих великую премудрость Твою, соделай язвы мои неоскверненными и покрой их красотой добродетели, и о благодати Твоей, Безгрешный Агнец, закланный за спасение мира и умиротворивший небо и землю, провозвестится, что она спасла меня.

Не отвергни меня за то, что приступил к Тебе без стыда и не скажи мне: «Что потерпел Ты ради меня?» В тот страшный и трепетный день скажешь Ты нам, грешникам: «Знаете ли, что потерпел Я ради вас? Невидимый – стал вам видим, Бессмертный – за вас осужден, Безгрешный – за вас заушен; распинаемый – не гневался, посмеваемый – не проклинал. Я – Владыка, не доступный никакому греху и обвинению, ради вас претерпел все это. А вы, виновные, потерпели ли что за Меня? Потому никто из вас не имеет оправдания!»

Вспомяни, Господи, что все сие претерпел Ты ради нас по Своему милосердию, по Своей благостыне и правде, а не по нашим заслугам. Ибо как тогда предан Ты был за нас, Святой, Безгрешный, так и ныне тот же Ты, Владыка, потому что не изменилось милосердие Божества Твоего, какое имеешь по естеству. А мы и тогда были нечестивы и лукавы, и ныне грешны и немощны. Поэтому не отнимай у нас того дарования, какое даровано нам по Твоему милосердию. Ибо если бы тогда искупил Ты нас по нашей правде, а ныне, когда согрешили мы, стал за это гневаться и отъял руку Свою, то по справедливости сказали бы мы, Святой, что как тогда искупил Ты нас за правду нашу, так ныне, потому что согрешили мы, отступил от нас. Но, как выше сказал я, и тогда были мы нечестивы, и теперь мы грешны. Потому дар, какой даровал Ты нам по человеколюбию Своему, да утвердится в нас до конца.

Я – душа, подавленная скорбью, еще и еще вопию к Тебе, Владыка, вынужденный жаловаться Тебе на врага моего. Воззри, Владыка, будь моим прибежищем и запрети грабителям (бесам), потому что всякий час нападают на меня – а я и не разумею того, расхищают

меня – и не знаю, рассеивают меня – а я и не сокрушаюсь о том, препятствуют мне призвать Тебя на помощь, так как знают, что если возопию к Тебе со слезами и плачем, то не оставишь Ты меня. Увы, какой у меня противоборник на поприще моем! Но блаженен я, что такой у меня Искупитель и Мздовоздаятель за подвиг!

Василиск – страшный зверь и по взгляду, и по свирепости, а этот змий лукавее его в том и другом – и в борьбе, и в бесстыдстве. Ты, Святая Сила, поглотившая жезлы, превращенные в змиев, запрети и сему змию, потому что нагло ко мне приступает, но наглостью борьбы своей приобретает сокровище выдерживающим его нападение: в скорби, которую причиняют угрозы его, сокрыто блаженство. Радость века сего полна печали, а скорбь и вздохование доставляют радость и жизнь вечную. Всегда был я немощен, Владыка, и теперь немоществую.

Непрестанно призывает на меня благодать Твоя и врачует меня, а я ежечасно унижал и унижаю цену врачевств ее. Поскольку врачевства благодати Твоей неоценимы, то даешь их даром, а поскольку даруешь их за слезы, то и мне за слезы мои даруй врачество души моей.

Всякому известно, что век наш подобен поприщу и что со всеми вступает в борьбу сильный змий. Иными побеждается он и попирается, а иных сам побеждает и попирает; иными бывает низложен и осмеян, а иных сам низлагает и осмеивает. Одни за борьбу с ним увенчиваются, а другие в той борьбе уступают победу над собой; одни за горечь его (века сего земного) приобретают сладость вечной жизни, а другие за его сладость и свое расслабление получают горечь вечного мучения. Одни высокой своей нестяжательностью удобно преодолевают его, а других преодолевает он привязанностью к земному. Для любящих Бога всей душой брань с ним то же, что и ничто, а для любящих мир она трудна и невыносима.

Блаженны возлюбившие Бога и из любви к Нему всем пренебрегшие. Блаженны плачущие день и ночь, чтобы избавиться от грядущего гнева. Блаженны добровольно унижающие себя, потому что там будут возвышены. Блаженны воздержанные, потому что их ожидают райские утехи. Блаженны изнурявшие тела свои бдением и подвигом, потому что им уготовано радование в раю. Блаженны добровольно соделавшиеся храмом Святого Духа, потому что они станут одесною. Блаженны стяжавшие любовь Божию в душах своих, потому что нарекутся они христороубцами. Блаженны распявшие самих себя, потому что помышление их день и ночь было о Боге. Блаженны препоясавшие чресла свои истиной, имеющие светильники свои готовыми и ожидающие Жениха своего, когда возвратится Он с брака. Блажен, кто приобрел созерцание мысленными очами будущих благ и вечного мучения и прилежно потрудился улучшить вечные блага. Блажен, кто непрестанно имеет перед очами страшный тот час и заботится благоугождать, пока есть еще время. Блажен, кто на земле бесстрастен, как ангел, чтобы в тот день возрадоваться с ангелами.

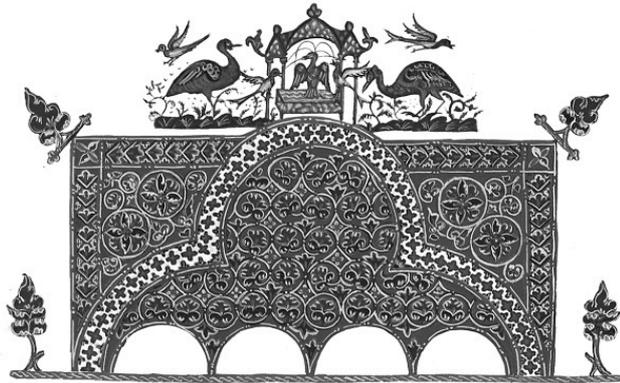
Итак, постарайся, братья, на горнее взирать, о горнем помышлять, горнее представляет себе, о горнем рассуждать, горнее помнить, горнее изучать, о горнем мудрствовать, о горнем говорить, горнее делать, горним заниматься, вполне и всецело быть в общении с горним, а не склонять взоров к дольному, где удовольствия, где похоти века сего суетного и смертоносного. Но как же прекрасно всегда всматриваться оком сердечным, чтобы не запало чего-либо в зеницу ока, или лукавого помысла, или иного чего, не благоугодного Владыке Богу, и не омрачило ума!

Но послушай, читатель (о себе говорю это)! У нас есть то, о чем всегда можно подумать: есть у нас ангелы, есть архангелы, есть силы, есть славы господств, есть херувимы, серафимы, мы сами, но главное – Владыка всех, Бог, прекрасное и святое имя; есть у нас пророки, есть апостолы, есть Святые Евангелия – слова Божии, есть у нас мученики, все святые, есть исповедники, есть святые отцы, патриархи, есть пастыри, есть священники, есть небеса и все, что на них.

Вот о чем помышляй и будешь сыном Владыки Бога по благодати и человеколюбию Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, ныне и всегда и во веки веков! Аминь.

О любви

Прекрасно сказал Господь: *Бремя Мое легко* (Мф. 11, 30). Какая тяжесть, какой труд – прощать брату легкие и ничтожные прегрешения, получить же прощение в собственных своих грехах и вдруг стать оправданным? Не сказал: «Дайте Мне в дар имение, или тельцов, или козлов, или пост, или бдение», – так что мог бы и ты сказать: «Нет у меня этого, я не в состоянии этого сделать». Но что легко, удобно, непродолжительно, то и повелел, говоря: «Прости согрешения брату своему – и Я прощу тебе твои грехи. Ты простишь малые ошибки, может быть, несколько оводов или три динария – а Я дарю тебе тысячи талантов. И ты прощаешь только, ничего не давая в дар, – а Я и грехи тебе оставляю, и дарую исцеление и Царствие. И дар твой тогда приму, когда примиришься с враждующим на тебя. Когда не будешь иметь ни на кого вражды, когда солнце не зайдет во гневе твоём, когда со всеми у тебя будет мир и любовь – тогда и молитва твоя благоприятна, и приношение твое благоугодно, и дом благословен, и сам ты блажен. А если не примиришься с братом своим, то как же у Меня просишь прощения? Я, Владыка твой, повелеваю тебе, рабу, – и ты не внемлешь, как же смеешь приносить Мне молитву, или жертву, или начатки, имея на кого-нибудь вражду? Как ты отвращаешь лицо от брата своего, так и Я отвращу очи Мои от молитвы твоей и от дара твоего».

Еще умоляю вас, братия: *Бог есть любовь* (1 Ин. 4, 16), и что сделано без любви, то не благоугодно Ему, – как же Бог примет молитву, или дары, или начатки, или плодоношение от убийцы, если он не покается прежде как должно? Но, без сомнения, скажешь: «Я не убийца». А я докажу тебе, что ты убийца; лучше же сказать, Иоанн Богослов пусть обличит тебя, говоря: *Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца* (1 Ин. 3, 15). Итак, братия мои возлюбленные, ничего, наконец, не будем предпочитать приобретению любви, ни о чем не станем столько стараться, как об этом! Никто да не имеет ничего на другого, никто да не воздаёт кому-либо злом за зло, солнце да не зайдет во гневе нашем, но будем прощать все должникам и утвердим любовь, потому что она покрывает множество грехов!

Что пользы, дети, если имеет кто все, но не имеет любви спасающей? Если кто сделает большой обед, чтоб позвать царя и князей, и все приготовит богато, чтобы ни в чем не было у него недостатка, но нет у него соли, можно ли будет вкусить такого обеда? Без сомнения, невозможно. Напротив, и траты напрасны, и труд погубил он, и навлек себе неприятность от приглашенных им. То же и здесь. Что пользы трудиться на ветер, если нет любви? А без нее всякое дело, всякий поступок нечисты. Приобрел ли кто девство, постится ли, пребывает ли во бдении, молится ли, дает ли приют бедным, думает ли приносить дар, или начатки, или плоды, строит ли церкви, другое ли что делает, – без любви все это ни во что не вменится у Бога, потому что не благоугодно это Господу.

Послушай апостола, который говорит: *Если я говорю языками человеческими и ангельскими... если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание... так что могу и горы переставлять, а не имею любви... нет мне в том никакой пользы* (1 Кор. 13, 1–3). Кто имеет вражду на брата и думает принести что-либо Богу, тот принят будет наравне с приносящим в жертву пса или цену блудницы. Посему ничего не предпринимай делать без любви, ибо любовь покрывает множество грехов.

О, каким благом пренебрегаем мы! О, каких благ, какой радости лишаем себя, не приобретая себе любви! Не восхотев приобрести ее, Иуда удалился из лика апостолов, оставив истинный Свет – Учителя своего, и, возненавидев братьев своих, стал ходить во тьме. Потому и первоверховный Петр сказал: *Отпал Иуда, чтобы идти в свое место* (Деян. 1,25). И еще Иоанн Богослов говорит:

Кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза (1 Ин.2,11).

Если же скажешь: «Хотя брата своего и не люблю, но Бога люблю», то обличает тебя тот же апостол, говоря: *Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?* (1 Ин. 4, 20). Посему кто имеет любовь к брату и ни на кого вражды не имеет, кто исполняет слово апостольское: *Солнце да не зайдет во гневе вашем* (Еф. 4, 26), тот истинно любит Бога, тот ученик Христа, сказавшего: *По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13, 35). Итак, явно то, что ученики Христовы познаются здесь по истинной любви. А кто имеет ненависть к брату и думает, что любит Христа, – тот лжец и сам себя прельщает. Ибо апостол Иоанн говорит: *Мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего* (1 Ин. 4, 21). И еще Господь говорит: *Возлюби Господа Бога твоего... как самого себя* (Мф. 22, 37, 39). Желая же показать силу любви, присовокупил Он: *На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки* (Мф. 22, 40).

Какое необычайное чудо! Кто имеет нелицемерную любовь, тот исполняет весь закон, потому что *любовь есть исполнение закона* (Рим. 13, 10), как говорит апостол. О несравненная сила любви! О неизмеримая сила любви! Ничего нет драгоценнее любви ни на небе, ни на земле. Посему апостол Павел, уча, что нет ничего равноценного любви, так написал и послал во все концы вселенной: *Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви* (Рим. 13, 8) – полагайте души друг за друга.

Такова любовь – возглавление всех добродетелей, любовь – исполнение закона, любовь – непреложное спасение. Она первоначально обитала в сердце Авелевом. Она была кормчим Ною, она содействовала патриархам. Она сохранила Моисея, она сделала Давида жилищем Святого Духа, она водворялась в пророках, она укрепила Иова. И – почему не сказать важнейшего? – она Сына Божия низвела к нам с неба. Ради любви Бесплотный воплощается, Бездетный – для нас во времени, Сын Божий делается Сыном Человеческим. Любовью все домостроительствуется ко спасению: смерть упразднена, ад низложен, Адам воззван, Ева освобождена. Любовью из ангелов и человеков создано единое стадо. Любовью клятва разрешена, рай отверст, явлена жизнь, обещано Небесное Царство. Она, уловив во мрежу ловцов рыб, сделала их ловцами человеков. Она подвизалась с мучениками и укрепляла их, она пустыни обратила в благоустроенные общежития. Она горы и вертепы исполнила псалмопения. Она из человеков сотворила ангелов, она научила мужей и жен шествовать тесным и узким путем. Но где остановлюсь, преследуя недостижимое? Кто в состоянии изобразить все преимущества любви? Думаю, что и ангелы не изобразят как должно! О блаженная любовь, подательница всех благ! О блаженная любовь, соделывающая блаженными возлюбивших тебя! Блажен, подлинно преблажен человек, который приобрел любовь от чистого сердца и чистой совести!

Слыша же о любви, не предполагай любви мирской и плотской, в корчмах и на пиршествах, между людьми, которым слава и бог – чрево. Их любовь ограничивается временем трапезы, их любовь – вражда на Бога. Сюда зовут друзей, а не врагов, здесь нет места бедным; здесь смех, рукоплескания и шум, здесь пьянства и бесчестия. Об этой любви сказал апостол: *Кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу* (Иак. 4, 4). Об этой любви, или, лучше сказать, об этой прелести, и чтоб не выразиться еще сильнее, об этой любви, на которую не призывает Бог, сказал Сам Бог, что и язычники поступают так же: *Если любите любящих вас, какая вам за то благодарность, какая награда?* (Лк. 6, 32). Но мы говорим не о такой любви, не ее возвещаем, не ее домогаемся – разумеем же любовь нелицемерную, неукоризненную, нескверную, некорыстную, всеобъемлющую и отличающуюся всяким добрым делом, – на какую указал Господь наш, говоря: *Кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15, 13). Ибо Сам Господь так научил и сотворил и душу Свою положил за нас – не только за друзей, но и за врагов: *Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного* (Ин. 3,16).

Об этой любви, имея в себе Божественную любовь, сказал апостол Павел: *Любовь не причиняет ближнему зла, не воздает злом за зло и укоризною за укоризну, но всегда долготерпит, милосердствует, любовь не завидует... не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Такая любовь никогда не перестает* (1 Кор. 13, 4–8). Кто имеет сию любовь, тот блажен и в нынешнем, и в будущем веке. Кто имеет сию блаженную любовь, тот не гордится, не завидует, ни к кому не питает ненависти, не презирает убогого, не отвращается от нищего, не оставляет без призора сироту, вдовицу и странника. Кто имеет ее, тот любит не только любящих его, что и язычники делают, но и оскорбляющих. Имея сию Божественную любовь, первомученик Стефан молился за побивающих его камнями, говоря: *Господи! не вмени им греха сего* (Деян. 7, 60).

Еще говорю, и не перестану говорить: блажен человек, который пренебрег все земное и тленное и приобрел любовь! Мзда его возрастает с каждым днем, мзда и венец ему готовы, ему даровано Небесное Царство. Его ублажают все ангелы, его хвалят все силы небесные, его с радостью примут лики архангелов. Перед ним с готовностью отверзнутся небесные врата, и с дерзновением внидет он и станет перед Престолом Божиим, увенчается десницей Божией и с Богом будет царствовать бесконечные веки. Кто блаженнее его, кто выше его, кто досточестнее его! Видите, на какую высоту возводит любовь имеющих ее? Прекрасно сказал апостол: *Ни оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви* (Рим. 13,8). *Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем пребывает во веки* (1 Ин. 4,16). Аминь.

О псалме

Это и еще больше этого можно сказать о любви. Но мы возвратимся к предположенному и будем говорить о покаянии и о будущем Суде. Всегда нужно размышлять об этом, потому что *день Господень так придет, как тать ночью* (1 Фес. 5, 2). Посему и днем и ночью взирай на последний час, и о законе Господа будем размышлять *день и ночь* (Пс. 1, 2).

Многое вещай Богу и немногое людям, и, хотя к делу простираешь руку, уста да поют, а ум да молится. Псалом да будет непрестанно в устах твоих. Призываемое имя Божие прогоняет бесов, освящает псалмопевца. Псалом – тишина души, он вознаграждает миром. Псалом – посредник дружбы, единение разъединенных, примирение враждующих. Псалом – привлечение ангельской помощи, оружие против страха ночного, успокоение от дневных трудов, безопасность младенцев, украшение пожилым, утешение старцам, самое приличное убранство женщинам. Он населяет пустыни, уцеломудривает народные собрания; он – первоначальное обучение новопоступающим, приращение преуспевающим, утверждение совершенным, глас Церкви. Он делает светлыми праздники, он производит печаль по Богу. Псалом и из каменного сердца вызывает слезы. Псалом – дело ангелов, небесное жительство, духовное кадило.

Псалом – просвещение душ, освящение тел. В нем никогда не престанем, братия, поучаться и в домах, и в путях: и ложась спать, и вставая от сна, будем беседовать сами с собой *псалмами и славословиями и песнопениями духовными* (Еф. 5, 19). Псалом радость боголюбцев: он отгоняет празднословие, прекращает смех, напоминает Суд, возбуждает душу к Богу, сликовствует с ангелами. Где псалом с сокрушением – там и Бог с ангелами, а где песни чуждого – там гнев Божий и горе и воздаяние за смех. Где священные книги и чтения – там веселие праведных и спасение слушателей. А где гусли и лики – там омрачение мужей и жен и праздник диавольский.

О, какая злая хитрость, какая выдумка диавола! Как искусно запинаят и обольщают он каждого и убеждают делать зло, как добро! Сегодня по-видимому поют псалмы, а наутро с усердием предаются пляскам, сегодня – христиане, а наутро – язычники, сегодня носят на себе славное имя, а наутро – эллины, сегодня – рабы Христовы, а наутро – отступники от Бога. Не вдавайтесь в заблуждение: ни один слуга *не может служить двум господам*, как написано. *Не можете служить Богу и плясать с диаволом* (Мф. 6, 24).

Как истинные рабы Христовы, Христу поработаем, Ему поклонимся, не отступим от Него, с Ним пребудем до последнего издыхания и не послушаемся змия, потому что *ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить*, кого обольстить. *Противостойте ему твердою верою* (1 Пет. 5, 8–9), как Христовы воины, Христу работая и с Ним пребывая. Не делай так, чтобы сегодня петь псалмы – а наутро плясать, сегодня каяться в грехах своих – а наутро

скакать на свою погибель, сегодня читать – а наутро играть на свирели, сегодня соблюдать воздержание – а наутро кружиться и для всякого быть посмешищем! Нет, братия, не будем так губить время своего спасения, играя и другим служа игралищем! Как добрый земледелец, обрабатывай и охраняй ниву свою. Не тяготись, брат, напутиями к жизни вечной, не отвергай сухоядения, не удаляйся от бдения, не почитай за ничто возлежания на голой земле, не оставляй псалмопения. Ибо все это и подобное этому препосылает тебя в вечную жизнь, и радость, и веселие, и упокоение. Возлюби молчание во время худой беседы; житейские беседы разлучают ум с Богом.

О МОЛИТВЕ

Подлинно блаженное дело не грешить, а согрешающим – не отчаиваться, но плакать о том, в чем согрешили, чтобы слезами опять улучшить блаженство. Посему прекрасно *всегда молиться и не унывать* (Лк. 18,1), как говорит Господь. И апостол также говорит: *Непрестанно молитесь* (1 Фес. 5, 17), то есть и ночью, и днем, и всякий час. Не только входя в церковь, но и в другие часы не оставляй об этом попечения – напротив, работаешь ли, спишь ли, или находишься в дороге, или ешь, или пьешь, или лежишь – не прерывай молитвы, ибо не знаешь, когда придет требующий души твоей. Не жди воскресного дня или праздника, не разбирай различия мест, но, как сказал пророк Давид, молись *на всяком месте владычества Его* (Пс. 102, 22). Посему в церкви ли ты, или у себя дома, или в поле, пасешь ли овец, занимаешься ли постройкой, бываешь ли на пиршестве – не оставляй молитвы и, когда можно, преклони колена, а когда невозможно, молись умом и вечером, и утром, и в полдень.

Если молитва будет предшествовать делу и, встав с ложа, первые свои движения посвятишь молитве, то грех не найдет доступа к душе. Молитва есть предохранительное средство для целомудрия, обучение сердца, укрощение кичливости, очищение от памятозлбия, истребление ненависти, исправление нечестия. Молитва – крепость телу, благоденствие дому, благоустройство городу, могущество царству, знак победы во время брани, прочность мира. Молитва – печать девства, верность брака, оружие путников, страж почивающих, благонадежность бодрствующих, плодоносие земледельцам, спасение плавающих. Молитва – заступница судимых, отрада заключенных, утешение скорбящим, веселие радующимся, ободрение плачущим, праздник в дни рождения, венец супругам, погребение умершим. Молитва – беседа с Богом, равночестие с ангелами, преспеяние в добром, отвращение от худого, исправление согрешающим. Молитва сделала Ионе и кита – домом, а Езекию от врат смертных возвратила к жизни и отрокам в Вавилоне превратила пламень в дух росы. Молитвой Илия связал небо, *и не было дождя на землю три года и шесть месяцев* (Иак. 5,17).

Видите, братия, как сильна молитва? В целой жизни человека нет иного достояния драгоценнее молитвы. Никогда не удаляйтесь от нее, никогда не оставляйте ее, но, как сказал Господь наш, будем молиться, да не вотще будет труд наш, *и когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши* (Мк. 11,25). Смотрите, возлюбленные, чтоб не вотще трудиться нам молясь, если будем иметь на кого вражду. Господь говорит еще: *Если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойдя прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой* (Мф. 5,23–24).

Итак, явно теперь, что если не сделаешь этого прежде, то все, что ни приносишь, не будет принято. Если же исполнишь повеление Владыки, тогда с дерзновением молись Господу, говоря: «Оставь мне, Владыка, долги мои, как и я оставляю брату моему, исполнив заповедь Твою. Хотя и немощен я, однако же оставил». И Человеколюбец скажет в ответ: «Если ты оставил, оставляю и Я; если ты простил, прощаю и Я твои долги, потому что имею власть отпускать на земле грехи». Отпустите – и отпустится вам. Видите несравненное Божие человеколюбие? Видите безмерную Божию благодать? Слышали вы краткий способ ко спасению душ ваших?

О МОЛИТВЕ

Молитва – великое оружие, неоскудевающее сокровище, никогда не истощимое богатство, безмятежная пристань, основание тишины; корень, источник и мать тысячам благ есть молитва. Она самого царства сильнее. Посему нередко бывало, что облеченный в диадему страдает горячкой, лежит, палимый огнем, на одре, перед ним стоят врачи, телохранители, слуги, военачальники, но ни искусство врачей, ни присутствие друзей, ни услуги домочадцев, ни изобилие лекарств, ни многоценность утвари, ни богатство, ни всякое другое человеческое пособие не в состоянии облегчить его недуг; а если придет кто, имеющий дерзновение к Богу, и коснется только тела, и сотворит над ним чистую молитву, то прогоняется весь телесный недуг. И чего не в силах были сделать богатство, множество прислуживающих, знание опытности и величие царства, то нередко в состоянии сделать молитва одного бедного и нищего.

Разумею же молитву не холодную и полную небрежения, но совершаемую протяженно, с болезнующей душой, с напряженным умом. Ибо такая молитва восходит к небу. Как вода, пока течет по ровному месту и пользуется большим простором, не поднимается в высоту, а когда руки водопроводчиков, преградив ей течение внизу, сгнетут ее, тогда, стесненная, скорее всякой стрелы стремится вверх; так и человеческий ум разливается и становится рассеянным, пока пользуется большой вольностью; когда же обстоятельства стесняют его, тогда в прекрасном этом угнетении воссылает в высоту чистые и усиленные молитвы. И чтобы понять тебе, почему особенно могут быть услышаны молитвы, совершаемые со скорбью, послушай, что пророк говорит:

К Господу воззвал я в скорби моей, и Он услышал меня (Пс. 119, 1). Итак, будем возгревать совесть, возбуждать в душе скорбь памятью о грехах, возбуждать скорбь не для того, чтобы стеснить душу, но чтобы сделалась она достойной услышания, была трезвенна, бодрствовала и касалась самих небес. Ничто не отгоняет так от нас леность и нерадение, как болезненное чувство и скорбь, которые собирают ум воедино и возвращают его в самого себя. Кто так скорбит и молится, тот после молитвы в состоянии будет водворить в душе своей великую приятность. Как стечение облаков вначале делает воздух мрачным, а когда пойдет из них дождь и облака утратят одну за другой скопившиеся в них снежинки, тогда снова делают весь воздух тихим и ясным. Так и душевная скорбь: пока заключена внутри, омрачает наш помысл, а когда истощит себя в молитвенных словах слезами и выйдет наружу, тогда производит в душе большую ясность, низведя в ум молящегося, подобно некоему лучу, мысль о Божией помощи. Но какое холодное у многих рассуждение? Говорят: «Не имею дерзновения, покрыт я стыдом и не могу открыть уст». Сатанинский это страх, прикровение это лености; диавол хочет заградить дверь, которою можем войти к Богу. Нет у тебя дерз-

новения? Но великое уже дерзновение и это самое – почитать себя не имеющим дерзновения, так как крайний стыд и осуждение – почитать себя имеющим дерзновение. Ибо если и много у тебя заслуг, и не сознаешь за собой ничего худого, но считаешь себя имеющим дерзновение, то лишился ты всех плодов молитвы. А если носишь на совести бесчисленные бремена грехов, убедишь себя только в том, что ты последний из всех, то великое будешь иметь дерзновение перед Богом. В этом нет смиренномудрия, чтобы грешнику почитать себя грешником, ибо смиренномудрие состоит в том, чтобы, сознавая в себе многое и великое, не воображать о себе ничего великого; смиренномудр, кто подобен Павлу и может сказать: *Хотя я ничего не знаю за собою* (1 Кор. 4, 4), *Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый* (1 Тим. 1,15). Вот смиренномудрие – быть высоким по заслугам и унижать себя в уме. Впрочем, Бог, по неизреченному Своему благоутробию, допускает к Себе и приемлет не только смиряющихся, но и тех, которые благопризнательно высказывают грехи свои; и к таковым бывает милостив и благоволит.

И чтобы знать тебе, какое благо есть не воображать о себе ничего великого, начертай словом две колесницы. Впряги праведность и высокоумие, и еще грех со смиренномудрием – и увидишь, что колесница греха опередит праведность не по собственной силе греха, но по крепости сопряженного с ним смиренномудрия, и также первая колесница останется позади, не по немощи праведности, но по тяжести и дебелости высокоумия. Ибо как смиренномудрие, по превосходной своей высоте, преодолевает тяжесть греха и предвывает в восхождении к Богу, так высокоумие, по великой своей тяжести и дебелости, в состоянии взять верх над не обремененной ничем праведностью и легко увлечь ее долу. И в доказательство, что одна колесница быстрее другой, припомни фарисея и мытаря. Фарисей впряг праведность и высокоумие, говоря так: *Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодее, или как этот мытарь* (Лк. 18,11). Высокоумия его не насытил весь род человеческий, но в великом безумии напал он и на стоявшего вблизи мытаря. Что же мытарь? Не отразил укоризны, не ограничился обвинением, но с благодарностью принял сказанное, и стрела вражия обратилась для него во врачевство, укоризна – в похвалу, и обвинение – в венец. Так прекрасно смиренномудрие! Столько выгод – не уязвляться злословием других, не свирепеть от оскорблений ближнего! Ибо и с них можно пожать великое и превосходное благо, как и было с мытарем. Приняв укоризну, отложил он грехи и сказал: *Боже! Будь милостив ко мне грешнику! И он пошел оправданным в дом свой* (Лк. 18,13,14). Слова стали выше дел, слово взяло верх над действием. Один выставил напоказ праведность, посты и десятины, а другой произнес одно слово – и сложил с себя все грехи, потому что Бог не слова только слышал, но видел и мысль, с какой произнесены они, и, найдя смиренномудрие и сокрушенное сердце, помиловал и оказал человеколюбие.

Говорю же это не потому, чтобы грешили мы, но чтобы мы были признательны. Ибо мытарь – человек, стоящий на крайней степени повреждения, – не смиренномудрием, а только благопризнательностью, тем, что высказал грехи свои, исповедал, что он такое, и привлек на себя столь великое Божие благоволение; а такую помощь приобретают себе от Бога и те, которые, хотя преуспели в великих добрых делах, однако же невысоко о себе думают. Посему увещаваю, прошу и умоляю чаще исповедоваться перед Богом. Не на позорище перед подобными тебе рабами вывожу тебя, не человекам принуждаю тебя открывать согрешения. Раскрой совесть свою перед Богом, Ему покажи язвы, у Него проси врачевств, покажи себя не укоряющему, но Врачующему. Ибо, если и умолчишь, все узнает Он. Итак, говори, чтобы остаться с приобретением, говори, чтобы, сложив здесь прегрешения, идти туда чистым и освободиться от будущего нестерпимого обличения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.